

**Мэтью Джеймс Эллиотт
Джеймс Эндрю Тейлор**
Шерлок Холмс пускается в погоню (сборник)
Серия «Шерлок Холмс. Свободные продолжения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11697037
Шерлок Холмс пускается в погоню : [повесть, рассказы]: Амфора; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-367-02730-3

Аннотация

В этот выпуск вошли произведения современных английских авторов, посвященные приключениям легендарного сыщика и его друга и биографа. В повести Дж. Э. Тейлора Шерлок Холмс расследует таинственное убийство тюремных охранников, обезглавленные тела которых обнаружены в чистом поле среди нетронутого снега. Рассказы М. Дж. Эллиотта предлагают читателям целую серию увлекательных головоломок.

Содержание

Предисловие	5
Джеймс Эндрю Тейлор	7
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	26
Глава седьмая	32
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мэтью Эллиотт, Джеймс Тейлор Шерлок Холмс пускается в погоню (сборник)

J. A. Taylor

The Element of Surprise: The Wormwood Scrubs Enigma

M. J. Elliott

Sherlock Holmes in Pursuit

Перевели с английского

Д. Хаевский («Элемент неожиданности. Загадка Уормвуд-Скрабса»)

и М. Стогова («Шерлок Холмс пускается в погоню»)

Издательство выражает благодарность MX Publishing Limited за содействие в приобретении прав

© Matthew Elliott, 2013

© James Taylor, 2012

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2013

* * *

Предисловие

Оба автора, чьи произведения вошли в эту книгу, – Дж. Э. Тейлор и М. Дж. Эллиотт – отдают дань вере в мистику, в таинственное и сверхъестественное, которая отнюдь не характерна для Канона, но типична для той эпохи, в которую жили Шерлок Холмс и его создатель.

Начало XX века стало временем теософии, антропософии и множества прочих «софий», эпохой Зигмунда Фрейда, веры в гипноз и месмеризм и многое другое. И вся эта замысловатая смесь наложилась на сознание Викторианской эры, где господствовали рационализм, логика, вера в постижимость и упорядоченность бытия (о чем мы уже говорили). Артур Конан Дойл – по большому счету – не позволял всем этим «новым веяниям» проникать в Канон. Когда они стали прочно утверждаться в умах, Шерлок Холмс «счел себя старомодным» и удалился в Суссекс разводить пчел. Впрочем, сказать, что он совсем не верил в высшие силы, тоже нельзя.

«До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира... Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны», – насмешливо говорит сыщик в «Собаке Баскервилей», когда сталкивается с загадкой, у которой, на первый взгляд, нет иного объяснения, кроме потустороннего. Он решает загадку и выясняет, что мистическое, казалось бы, зло имеет совершенно реальное воплощение в лице изобретательного злодея Стэплтона.

В рассказе М. Дж. Эллиотта Шерлок Холмс произносит: «Признаюсь, я начинал терять веру в то, что Вселенной правит высшая сила, а не только чистый случай. Но теперь у меня нет таких сомнений». Это явственный отклик на его же слова из рассказа Конан Дойла «Картонная коробка», где в момент подавленности и уныния он говорит: «Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это невыносимо». И это тоже очень викторианская фраза. Допустить, что мир устроен бессистемно, викторианский интеллигент, человек науки, может с большим трудом; при этом существование неведомой «высшей силы», которая отвечает за правильное устройство мира, представляется ему совершенно логичным. Холмс готов поверить в потустороннее, если потустороннее устроено по четким законам логики.

Впрочем, Шерлок Холмс и прочие интеллектуалы могли думать все что угодно, а вот простые англичане и, разумеется, дети, вне зависимости от их социального положения, верили и в волшебство, и в фей, и в злых духов. Маленькая героиня повести Дж. Э. Тейлора ничуть не сомневается в том, что слышала ночью пение фей. Да и взрослым в ее окружении такая версия отнюдь не кажется неправдоподобной. Но самое интересное, что ниточку, за которую дергает в этом повествовании автор, можно сказать, дал ему в руки сам Артур Конан Дойл.

История эта началась в 1917 году. Две девочки, двоюродные сестры, шестнадцатилетняя Элси Райт и девятилетняя Фрэнсис Гриффитс из деревушки Коттингли на севере Англии, обнародовали фотографии, на которых они были запечатлены в компании «маленького народца», крохотных танцующих фей. Современному человеку, знакомому с возможностями фотошопа и компьютерной графики, и в голову не пришло бы воспринимать все это всерьез, но тогда снимки произвели настоящий фурор и положили начало очередной бурной схватке между теми, кто верил в существование потустороннего мира, и теми, кто его отрицал. В подлоге барышни, жившие долго и счастливо, сознались только в начале 1970-х годов.

Одной из причин, почему история получила широчайшую огласку и не сходила со страниц газет и журналов до середины 1920-х годов, послужило то, что девочек поддержал своим авторитетом сэр Артур Конан Дойл.

Дойл, со свойственной ему дотошностью, предпринял ряд «проверок». Он посылал отпечатки ведущим экспертам, требовал, чтобы новые фотографии делались на «меченых» пластинах, даже привлек в качестве консультанта знаменитого иллюзиониста Гарри Гудини, который никогда не скрывал, что все его «чудеса» не более чем ловкие трюки, и очень любил разоблачать других. Однако юные мистификаторши оказались на высоте. Вывести их на чистую воду не удалось. Впрочем, возможно, именно потому, что очень хотелось им верить.

Для Артура Конан Дойла фотографии из Коттингли стали лишь очередным доказательством существования параллельного «загробного» мира, куда души переселяются после смерти. К 1917 году он уже был ярым поклонником и проповедником спиритизма. Второй (после Шерлока Холмса) самый популярный герой его произведений, профессор Челленджер, был «поставлен на службу» делу спиритизма в романе «Страна туманов». Конан Дойл посвятил несколько книг очерков своим опытам спирита. Впрочем, все это никак не коснулось Шерлока Холмса. Скорее всего, потому, что Конан Дойл был внутренне убежден: великому сыщику положено оставаться в Викторианской эпохе с ее совсем иными представлениями и убеждениями.

В этой книге вы встретитесь и с феями, и с гипнотизерами. Но в итоге в ней не будет ничего потустороннего. И это совершенно правильно.

Александра Глебовская

Джеймс Эндрю Тейлор Элемент неожиданности. Загадка Уормвуд-Скрабса

Посвящается моей жене и детям

Спасибо старшему брату Стюарту, который стал моим Майкрофтом в этом рискованном начинании.

Особая благодарность моей племяннице Алие за то, что первой прочитала и полюбила эту книгу.

Ниже публикуется рукопись доктора Джона Хэммиша (Джеймса) Уотсона, найденная среди документов, завещанных его правнучатому племяннику, Джеймсу С. Уотсону.

Глава первая

Занятый домашними делами и частной практикой, я почти не видел своего друга и бывшего соседа по квартире Шерлока Холмса с тех пор, как месяц назад мы раскрыли дело о Союзе рыжих. Редкость наших встреч я списывал на свои постоянные заботы. Однако впоследствии Холмс поведал, что тогда его вряд ли удалось бы застать на Бейкер-стрит, даже найди я время и повод для визита, ибо появлялся он там нечасто.

Будучи другом и коллегой Шерлока Холмса около девяти лет, я привык, что его исчезновения столь же непредсказуемы, сколь загадочны их причины. Объяснений всегда приходилось ждать. Повод для встречи представился лишь второго ноября 1890 года. Тем утром меня спешно вызвал пациент, живший недалеко от Бейкер-стрит. Недомогание его оказалось легким, и уже к середине утра я оказался неподалеку от дома 221-б. Спокойное утро, свободное от медицинской практики, и внезапное желание навестить друга заставили меня немного изменить маршрут и заглянуть туда, где я жил еще недавно.

Стоило мне потянуться к звонку, как дверь распахнулась и некто опрометью выскочил из нее, толкнув меня и чуть не сбив с ног.

– Эй! Это еще что такое? – крикнул я.

Из-под взъерошенных волос на меня пристыженно и удивленно глядели знакомые глаза.

– Простите великодушно, доктор. Я не ожидал... – виновато произнес инспектор Лестрейд, потирая ушибленное плечо.

Любопытство возобладало во мне над досадой. Вернув себе самообладание, я выдал некое подобие улыбки и кивнул в знак прощения:

– А уж я и того меньше, инспектор. Вот, пришел повидать Холмса. Полагаю, он у себя?

– Как бы не так, черт его дерит! – Лестрейд чуть не кричал, глядя вверх на окно гостиной. – Пропадает где-то уже недели две. Миссис Хадсон либо и вправду ничего не знает, либо покрывает его. В любом случае я понятия не имею, когда он объявится. – И, недоверчиво уставившись мне прямо в глаза, Лестрейд спросил: – А вы, случаем, не знаете, где он?

– Инспектор, – ответил я, подавляя разочарование, – я стою здесь и интересуюсь местонахождением Холмса. Очевидно, что мне известно не больше вашего.

К своему крайнему удивлению, я увидел, как он, что называется, сдулся. Инспектор тяжело вздохнул и застыл, потирая подбородок, заросший двухдневной щетиной, что для него было вовсе не характерно.

– Еще раз простите, доктор. Никак не могу взять себя в руки – не спал уже несколько суток.

– Прописать вам какое-нибудь успокоительное?

– Нет. Спасибо, конечно, но я не могу позволить еще и опиатам затуманить мой ум.

– Понимаю, но вам, несомненно, пойдет на пользу глоток-другой бренди из запасов Холмса. Уверен, он не станет возражать.

Лестрейд был готов отказаться, но я жестом остановил его:

– Считайте это врачебным предписанием.

Улыбаясь, он протянул руку к звонку. Миссис Хадсон отворила дверь и, не видя меня, произнесла:

– Я уже сказала, инспектор... О! Здравствуйте, доктор. Не знала, что *он* с вами.

– Все в порядке, миссис Хадсон. Я зашел навестить Холмса и столкнулся с инспектором в дверях.

Лестрейд оценил шутку и усмехнулся себе под нос.

– Как я уже сказала *ему*, мистера Холмса здесь нет. Последний раз тот появлялся за две недели до Дня всех святых.

– Ну конечно. Миссис Хадсон, я здорово набегался сегодня, и старая рана дает о себе знать. – Тут я для пущего эффекта похлопал себя по ноге. – Как думаете, Холмс не станет возражать, если бывший сосед переведет дух в его гостиной?

На ее круглом лице появилась хитрая усмешка истинной шотландки:

– Ну что вы, доктор! Мы с вами прекрасно знаем, что мистер Холмс все еще считает эти комнаты настолько же вашими, насколько и своими. – Она распахнула дверь и отступила. – Думаю, куда идти, вы знаете. Разводите огонь, а я принесу чаю.

Она удалилась, напевая под нос, словно была рада позаботиться хоть о ком-то, раз уж не могла обихаживать Холмса.

Я сразу приступил к делу. Чтобы достать и бросить в камин несколько кусков угля, мне прежде пришлось переложить из ящика лежавшие там манильские сигары¹ Холмса. Я зажег огонь и вдруг снова очутился перед гостеприимным очагом в такой знакомой мне гостиной.

Миссис Хадсон вошла и накрыла стол к чаю. Мы благонаравно пили его, пока я не заметил, что Лестрейд озирается в поисках более крепких напитков. Набив табаком из персидской туфли трубку и раскурив ее в тишине, я отправился за горячительным.

– Бренди, инспектор?

– «Вспышку молнии»², если найдется, – нетерпеливо ответил он.

Я налил себе бренди, а инспектору джина и возвратился к огню.

подавая ему стакан, я произнес:

– Вот, сделайте хороший глоток и расскажите, наконец, что стряслось. Отчего вы так отчаянно нуждаетесь в Холмсе?

– Не поймите меня неправильно, доктор, – начал он, понемногу принимая свой обычный, самоуверенный вид. – Я недавно наткнулся на дело, которое мистер Холмс, будучи любителем, мог бы счесть полезным для совершенствования в нашем ремесле.

Тут я поперхнулся, едва не рассмеявшись. Мне удалось списать кашель на залежавшийся табак Холмса.

– Мистер Холмс, – продолжил он, метнув в меня подозрительный взгляд, – преуспел в своем увлечении и может принести пользу полиции. Особенно сейчас.

---

¹ Манильские сигары – сорт сигар с обрезанными концами. – Здесь и далее, кроме помеченных особо, примечания переводчиков.

² «Вспышка молнии» – бокал джина (разг.).

Он сосредоточился на бокале, осушив его одним глотком.

– Что значит «особенно сейчас»?

– Как вы помните, доктор, – он поднялся и с простительной бесцеремонностью налил себе еще джина, – силы городской полиции насчитывают более тринадцати тысяч человек, и нас переселяют из Уайтхолл-плейс в новое здание неподалеку от часовой башни Вестминстерского дворца.

– Да, точно. А я и забыл.

– Вы-то, может, и забыли, доктор, но уверяю вас, об этом помнит каждый хулиган, каждый карманник на Флит-стрит, каждый воришка в Большом Лондоне. И все они стремятся воспользоваться хаосом, неизбежно воцарившимся в Скотленд-Ярде. А пересаживаться на новый насест мы будем до конца месяца.

Лестрейд опять разволновался, глотнул джина и глянул на дверь:

– Да где же он? Нужно объявить его в розыск, чтобы агенты облазили все вокруг и притащили сюда этого прохвоста.

Я усмехнулся и приподнял бокал с бренди примирительным жестом:

– Полагаю, если Холмс задумает залечь на дно, ни Скотленд-Ярд, ни я не разыщем его. – Сказать по правде, в полной мере оценить справедливость этих своих слов я смог лишь четыре года спустя.

Лестрейд признал ошибку и уступил:

– Несомненно, вы правы, доктор. Я просто рад, что ваш друг на нашей стороне.

– А с вами – весь Лондон и большая часть Европы, инспектор, – добавил я.

Несмотря на интерес к новому делу, я остерегся обсуждать его в отсутствие Холмса и, умирив кое-как любопытство, свел разговор к более приземленным вещам.

Так мы проговорили около получаса, затем распрощались и разошлись каждый по своим делам. Я – домой, а Лестрейд, осмелюсь предположить, – назад в Уайтхолл.

Выйдя на Бейкер-стрит, я поднял взгляд к не освещенному теперь окну и поинтересовался вслух:

– Куда же вы подевались, Холмс?

Глава вторая

Позднее тем же вечером, когда мы с Мэри возвращались с представления «Кармен наших дней» Луца и Симса в театре «Гэйти»³, я окликнул экипаж, чтобы добраться из Олдуича до нашего дома в Кенсингтоне. К дверям театра тянулась длинная очередь извозчиков, не желающих упустить хорошего клиента. Ради этого кэбмены готовы тузить друг друга, и мы предпочли подождать, пока восстановится некое подобие порядка. Наконец подъехала наша карета, и я усадил в нее Мэри. Но прежде чем я успел распорядиться, куда править, возница рванул вниз по Олдуич-роуд. Я повис на дверце, чудом ухватившись за нее и наружный фонарь, Мэри же просто повалилась между сиденьями.

Напрасно я кричал на извозчика, требуя остановиться, – тот лишь настегивал лошадей. Обезумевшие животные галопом неслись по оживленной улице, делая, по моим прикидкам, никак не меньше десяти миль в час. Это уже было не лихачество, а настоящий разбой! Опасаясь за нашу безопасность, я вспомнил об армейском револьвере и, вытащив его, приготовился проломить негодяю череп рукояткой или стрелять, появившись такая необходимость.

– Остановите кэб немедленно! – заорал я, но не получил ответа и тогда вскинул револьвер, целясь в возницу. – Тормози, или клянусь...

– Вы ведь не станете стрелять в своего друга и спасителя, Уотсон?

Проморгавшись от удивления и хлеставшего мне в лицо ветра, я взгляделся в физиономию возчика. Она показалась мне смутно знакомой.

– Холмс?! – воскликнул я. – Что это еще за шуточки, скажите на милость?

Остановив лошадей у обочины переулка за Стрэндом, Холмс соскочил на землю и сорвал одну из своих самых убедительных масок.

И вновь мне пришлось поинтересоваться, что стало причиной столь возмутительной и опасной выходки.

Он воздел вверх палец и всмотрелся в темноту переулка, откуда мы только что прибыли.

– Докторский чемоданчик, я смотрю, при вас. Садитесь на козлы и правьте домой. Позаботьтесь о миссис Уотсон. Я прибуду в ближайшее время и тогда уж объяснюсь, мой старый друг. – Он заглянул в карету и сухо добавил: – Полагаю, она без чувств.

Четверть часа спустя мы с горничной хлопотали над потрясенной Мэри, полулежавшей на кушетке в нашей маленькой гостиной. Холмс прибыл через десять минут, но пока устроился поодаль, в кресле у двери. Не то чтобы он совсем не нравился Мэри. Напротив, она им восхищалась. И все же, когда Холмсу требовалось мое участие в деле, в их отношениях появлялась некая натянутость. Несмотря на кроткий нрав, подобное злоупотребление моей готовностью помочь выводило ее из себя.

После того как легкое успокоительное и бокал портвейна возымели свое действие, Мэри отпустила горничную и приподнялась, подперев голову рукой.

– Мистер Холмс?! – бросила она через плечо, не удосужившись взглянуть на него. – Надеюсь, вы, к чести своей, явились с подобающим объяснением вашей выходки этим вечером и обойдетесь без велеречий моего Джона, или, как вы любите выражаться, «приукрашивания».

Он тут же очутился перед ней, чумазый, с взъерошенными волосами, терзающий извозчицью фуражку, точно провинившийся школьник в ожидании выволочки от директора.

---

³ «Кармен наших дней» – музыкальный бурлеск, пародия на оперу Бизе, музыку к которой написал Вильгельм Меир Луц (1829–1903), дирижер и музыкальный директор театра «Гэйти». Жанр бурлеска, превращающего популярную классику в комическое музыкальное действие, порой не самого хорошего тона, попирающего все сценические и музыкальные каноны, был очень популярен в викторианской Англии. – *Ред.*

Для нас это было чем-то необычным, и Мэри хихикнула. Только представьте себе: величайший детектив-консультант стоял перед нами, смиренный и безмолвный. Холмс, оценив весь комизм ситуации, разразился добродушным хохотом. Напавшая на нас безудержная веселость помогла нам с Мэри хотя бы избавиться от напряжения.

Как только смех умолк, к Холмсу вернулась его обычная невозмутимость. С разрешения Мэри он закурил и принялся рассказывать о событиях, приведших к безумной ночной гонке.

– Миссис Уотсон, – начал он, – вы знаете, я бы ни за что не причинил вреда вам или нашему дорогому доктору. Сегодня вечером, когда я как раз заканчивал очередное расследование, мне доставили тревожное известие. Один из сорванцов, которых мы зовем «уличной армией с Бейкер-стрит», предупредил, что доселе неизвестный враг, не сумев разыскать меня, замыслил похитить вас и вашего мужа, дабы я сам вышел из укрытия.

Тут он пыхнул трубкой, и огромное облако дыма устремилось к потолку, как бы подытоживая сказанное.

– Сколько раз, Джон, – повернулся ко мне Холмс, – я говорил вам, что нельзя садиться в первый подъехавший кэб. Перехватив вас до того, как вы совершите эту ошибку, я спутал планы похитителей.

Мэри ахнула, да и меня самого взяла оторопь оттого, что Холмс обратился ко мне по имени⁴. Я счел это доказательством серьезности угрозы.

Мэри наконец посмотрела на Холмса и улыбнулась. Встав, она приняла царственную позу:

– Довольно, мистер Холмс! Я знаю, что Джону потребуются куда более подробные объяснения, а что до меня – позвольте откланяться. Доброй ночи, Шерлок, и постарайтесь не задерживать Джона слишком уж долго.

Она поцеловала меня и направилась к лестнице.

Холмс поднялся и поклонился:

– Как вам будет угодно, миссис Уотсон. Добрых снов.

Некоторое время мы провели в тишине, смотря на огонь. Я заметил, что Холмс вновь погружен в раздумья и водит вокруг тяжелым взглядом.

– Я должен просить прощения, Уотсон, что не ввел вас в курс дела раньше. Я никоим образом не предполагал, что вы или ваша жена можете быть вовлечены во все это.

– Забудьте уже об этом, Холмс.

– Я бы непременно вам все рассказал, но дело тут в некотором роде личное.

– В каком смысле?

Холмс помолчал, а затем посмотрел на меня:

– Чарльз Бейтс.

– Что, простите? – переспросил я.

– Чарльз Бейтс был старым другом моего отца. Сейчас, в свои шестьдесят с небольшим лет, он крупный землевладелец: обширные угодья в Нортгемптоншире, тихая замкнутая жизнь. Месяц назад я получил от него письмо, в котором говорилось о пропаже его внука Уильяма.

– Похищение?

– Ничего подобного. После крупной семейной ссоры молодой Уильям в приступе гнева покинул дом. Юноши в пору взросления имеют склонность так поступать.

– Ясно.

---

⁴ Формы обращения в Англии того времени были строго регламентированы. Обращение по фамилии являлось достаточно вольным, а назвать собеседника по имени могли лишь ближайшие родственники. Такое обращение свидетельствовало о крайней интимности разговора.

– Похоже, что Уильям в конце концов связался с бандой карманников из лондонского Ист-Энда, сродни той, в которой под руководством некоего Феджина⁵ полвека назад состоял молодой Чарльз Бейтс, известный тогда лондонский бродяга. После небольшого расследования мне удалось – при некотором содействии «уличной армии с Бейкер-стрит» – разыскать и вернуть блудного внука домой. При этом я перешел дорогу некоему Эджеру Катлеру, главарю той банды. Катлер оказался намного свирепей Феджина и немедленно попытался меня убить. Отсюда и мои двухнедельные «каникулы». А сегодня после нашей... хм... нашей сегодняшней поездки один из моих «солдат» сообщил, что вся банда, включая Эджера Катлера, была арестована, пока дожидалась вас в засаде на Олдуич-роуд.

– И слава Богу!

– Теперь все в порядке, друг мой, – сказал Холмс. Некоторое время он вглядывался в пламя, затем усмехнулся себе под нос: – Это дело не без доли иронии, Уотсон.

– В каком смысле, Холмс?

– Как я уже говорил, «уличная армия с Бейкер-стрит» сыграла значительную роль в розыске внука Бейтса.

– Точно.

– Так вот, уличная армия – его детище.

– Как это?

– Много лет назад, когда я еще учился в университете, Бейтс, тогда уже почтенный сквайр, навестил меня и заронил в мою голову идею создания «неофициальных сил полиции». Чтобы «приставить лондонских уличных бродяг к благому делу», как он выразился.

– Это от стыда за свое бурное прошлое бродяги-карманника?

– Полагаю, что так, – согласился Холмс.

– Что ж, – сменил я тему, – ваше возвращение домой порадует миссис Хадсон.

– Несомненно.

– Да и бедного Лестрейда, который из-за вашей пропажи рискует угодить в Хэнуэллскую лечебницу для душевнобольных.

– Ха! – засмеялся Холмс, хлопнув ладонью по камину. – Уж поверьте, такой удачи я не ожидал.

– Серьезно, Холмс! – усмехнулся я. – Вы порой прескверно себя ведете с этим беднягой.

– Пф-ф! – он пренебрежительно махнул рукой. – Завтра приглашу его позавтракать на Бейкер-стрит.

Холмс бросил взгляд на каминные часы и повернулся к двери. Водрузив смятую извозчичью кепку обратно на голову и засунув под мышку стек, он сказал:

– А что делаете завтра утром вы, Уотсон? Полагаю, новая загадка Лестрейда будет интересна нам обоим.

– Откуда вам знать, Холмс?

– Да оттуда, друг мой, – улыбнулся он, – что они почти всегда интересны, не так ли? Я пожелал сыщику доброй ночи, и он исчез в морозной лондонской ночи.

---

⁵ Феджин – персонаж романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста», главарь банды малолетних карманников.

Глава третья

Поздним утром следующего дня я прибыл на Бейкер-стрит и обнаружил, что Лестрейда еще нет. Холмс, не переодевший домашнего халата, сидел на кушетке среди кипы скомканных утренних газет, будто птица, взгромоздившаяся на бумажное гнездо.

– Доброе утро, Холмс.

– Уотсон! – воскликнул он, вставая с кушетки. – Воплощенная пунктуальность, как и всегда. Без сомнения, военное прошлое дает о себе знать.

– Так точно.

Холмс выглянул в окно.

– Наш общий друг Лестрейд скоро прибывает. Уже доставили телеграмму. Ответ на мое приглашение. Ага, вот и он!

Будто по сигналу, зазвонил дверной звонок, и мы услышали, как миссис Хадсон впускает в дом инспектора.

Немногим позже он сам вошел в гостиную и в расстройстве кое-как пристроил шляпу с пальто на вешалку.

– Мистер Холмс! – вскрикнул он, будто под пыткой. – Вы коварный и жестокий шельмец. Что вам стоило предупредить меня или доктора Уотсона? Почему бы вам не поступать так каждый раз, как захочется исчезнуть?

Холмс изобразил сожаление и ехидно улыбнулся:

– Право, инспектор, я раскаиваюсь. Однако не поверю, будто единственная цель вашего визита – напомнить мне, что в старом добром Лондоне у преступников не бывает выходных. Чем могу быть полезен?

Лестрейд сел и сделал глубокий вдох.

– Вам должно быть известно, мистер Холмс, что Скотленд-Ярд недавно переехал в Вестминстер.

– Конечно.

– Так вот, в общем и целом мы справляемся с ожидаемым ростом мелких беспорядков и преступлений.

– Я в этом не сомневался.

– И все же попадаются дела настолько запутанные и причудливые, что даже наши лучшие умы не в состоянии их раскрыть.

Холмс забрался с ногами на кресло, подтянул колени к груди и расположил голову на сцепленных пальцах. Не поднимая взгляда, он сказал приглушенным голосом:

– Прошу, инспектор, расскажите, что вам известно.

Лестрейд принялся расхаживать перед камином.

– Мистер Холмс, – выдохнул он, – я знаю, вы всегда мечтали расследовать идеальное «преступление в закрытой комнате»⁶ и были к этому чертовски близки в восемьдесят третьем, когда распутывали дело мисс Элен Стоунер о пестрой ленте – индийской болотной гадюке. А ранее – подозрительный случай с субъектом, который настолько боялся за свою жизнь, что держал при себе личного врача. Как бишь его?

– Блессингтон, – сказал я.

– О да, спасибо, доктор Уотсон. Блессингтон⁷.

---

⁶ *Преступление в закрытой комнате* – классическая схема детективного сюжета, когда преступление (обычно убийство, реже кража) совершается в изолированном помещении, куда не мог проникнуть никто со стороны и откуда преступник скрылся непостижимым образом.

⁷ См. рассказ Конан Дойла «Постоянный пациент». – *Ред.*

Холмс кивнул и жестом попросил продолжать.

– Мистер Холмс, я сдаюсь. Ваше идеальное «преступление в закрытой комнате» свершилось посреди чистого поля и припорошено нетронутым, свежесвыпавшим снегом.

Тут Холмс резко выпрямился и, как мне показалось, жадно сглотнул слюну. (Следует признать, что, несмотря на серьезность разговора, я еле сдержал смехок.)

Раздался стук в дверь, и вошла миссис Хадсон с большим подносом, а мы с Лестрейдом освободили для него место на столе.

– Пожалуйста, инспектор, продолжайте, – взмолился Холмс.

– Вам известно о тюрьме ее величества Уормвуд-Скрабс в Хаммерсмите, недалеко от Шепердс-Буша?

– Да, – ответил Холмс. – Хотя я там ни разу не бывал. Она выстроена силами арестантов в соответствии с проектом сэра Эдмунда Дю Кейна. Строительство должно быть закончено в следующем году, однако там уже содержатся сотни заключенных.

– Да, мистер Холмс, та самая. – Лестрейда как будто изумила осведомленность моего друга.

Здесь следует пояснить читателю, что сам я бывал в тюрьме Уормвуд-Скрабс дважды, когда заключенным требовались услуги врача. Поведав об этом, я попросил Лестрейда продолжать.

– Так вот, доктор, раз вы бывали там, то должны помнить, что здание тюрьмы окружено лесом и пустырями, протянувшимися на значительное расстояние.

Я кивнул.

– Это произошло четыре ночи назад, накануне Хеллоуина. Если быть точным, ближе к утру. Лесоруб и его шестилетняя дочь, живущие к юго-западу от тюрьмы, нашли обезглавленное тело, одетое в форму тюремного охранника. Оно лежало посреди чистого поля, огранченного густым лесом с запада, проездом Вуд-лейн с востока и фермами Уормхолт и Олд-Оук с юга. Не меньше пятидесяти метров открытого пространства в любую сторону, куда ни посмотри. Следы покойника свидетельствовали, что пришел он из тюрьмы. По утверждениям местных констеблей, вблизи от тела обнаружены только три цепочки следов. Одна оставлена мертвецом, две другие – лесорубом, который первым подошел к месту преступления, чтобы получше рассмотреть находку, и его санями.

Тут Холмс улучил момент и спросил:

– Как звали лесоруба, инспектор?

– Мистер Уильям Холлис. Этот самый Холлис показал, что, когда он приблизился к месту происшествия, у трупа из обрубка шеи еще шел пар.

Холмс выпрямился, закурил старую глиняную трубку и бросил спичку в ящик для угля.

– Его, конечно, уже арестовали?

– Нет.

Холмс был потрясен ответом Лестрейда.

– Жертва с отрубленной головой, а рядом – человек, умеющий обращаться с топором, – оснований больше чем достаточно, чтобы, как минимум, задержать лесоруба.

Лестрейд подался вперед в кресле и сказал, глядя Холмсу прямо в глаза:

– А вот тут начинается самое интересное. Согласно отчету местного констебля, следы лесоруба и его саней не приближаются к телу более чем на десять метров, а это слишком уж далеко, чтобы обезглавить кого-то взмахом топора. К тому же у лесоруба железное алиби по второму эпизоду.

– Еще одно убийство? – одновременно спросили мы с Холмсом.

– Да, – выдохнул Лестрейд. – Это произошло в первые часы того самого дня, когда мы с вами встретились на Бейкер-стрит, доктор.

– И второе убийство в точности повторяет первое? – поинтересовался Холмс.

– До самых мелочей, мистер Холмс. Второй жертвой также стал тюремный охранник. Он шел на юг от Уормвуд-Скрабса, когда его обезглавили. На этот раз тело обнаружил констебль, и он клянется, что на четверть мили вокруг не было ничего, кроме следов самого бедняги. И вот еще что объединяет оба убийства: головы жертв исчезли бесследно.

– Невероятно! – воскликнул я.

Холмс жадно потер руки:

– Благодарю, инспектор. Это все, что мне пока необходимо знать. Скажите только, шел ли снег в Хаммерсмите с тех пор, как случилось первое убийство?

Лестрейд на секунду задумался.

– Нет, снега не было.

Холмс вскочил со стула и направился прямо в спальню, на ходу развязывая пояс халата.

– Тогда нельзя терять ни минуты. Мать-природа может преподнести нам сюрприз, скрыв все важнейшие доказательства и эти ваши следы заодно. Уотсон! – крикнул он из комнаты. – У нас тут намечается охота. Не хотите ли присоединиться? Каково ваше расписание на сегодня?

– Конечно хочу! – взволнованно ответил я. – Нужно будет только телеграфировать Джексону, чтоб совершил за меня обход.

– Старый добрый Джексон! И что бы я без него делал?

Минутой позже Холмс появился, полностью одетый и готовый к путешествию.

– Заедем ненадолго к вам. Хорошая возможность предупредить миссис Уотсон и собрать вещи в дорогу.

На пути к двери Холмс остановился напротив меня и прошептал:

– Могу я рассчитывать на ваш армейский револьвер, доктор?

– Конечно, – уверил его я.

Глава четвертая

Без пяти одиннадцать мы втроем стояли на вокзале Хай-стрит в Кенсингтоне в ожидании одиннадцатичасового поезда. Все это здание, изобилующее разнообразными арками, с большой стеклянной люстрой под потолком, было увешано полотнищами и вымпелами цветов Юнион Джека⁸. Я молча рассматривал пестрое убранство вокзала, заполненного людским гомоном, который гулким эхом разносился под высокими сводами. Порождаемые сотнями пассажиров и десятками работающих механизмов звуки водоворотом врывались в мои уши.

– А не подняться ли нам в паб на летнюю платформу? Позволим себе немножко расслабиться, господа, – предложил Холмс сквозь шум и развернулся к лестнице.

– Но, Холмс, мы ведь пропустим свой поезд, – возразил я.

– Ничего подобного, Вотсон. Вероятнее всего, он прибудет с некоторым опозданием.

– Вздор! Можете прохладиться в пабе, если вам угодно, мистер Холмс, но у меня в Хаммерсмите служебные дела, и я никуда отсюда не уйду до одиннадцати часов, – возразил Лестрейд и уселся на скамейку посреди платформы.

Я же, привыкший верить Холмсу, поднялся вместе с ним в заведение, незатейливо именуемое «Чайник и котелок», и выпил пинту пива, все время беспокойно поглядывая на платформу, где Лестрейд уже расхаживал взад и вперед. Вскоре Холмс посмотрел на часы и встал. Оставив на столе несколько монет, он неторопливо двинулся в сторону платформы. Я сверился со своим хронометром и отметил, что уже без малого четверть двенадцатого.

Мы вернулись к Лестрейду и стояли молча почти до одиннадцати двадцати пяти, когда наконец терпение инспектора лопнуло.

– Да где же этот чертов поезд?! – сорвался он. – И откуда, черт побери, вам было заранее известно, что он задержится?

– Элементарно, дорогой инспектор, – прогулочной тростью Холмс указал на флаги и вымпелы, развешанные по всей станции. – Эти полотнища напомнили мне о заметке, что я прочел в утренней газете. Сегодня открывается первая электрифицированная железная дорога, соединяющая Сити с Южным Лондоном. Торжественная церемония по этому поводу, на которой присутствовал сам принц Уэльский, проходила на станции Стокуэлл с десяти тридцати до одиннадцати часов. Она, как я и предполагал, замедлила движение поездов по меньшей мере минут на двадцать. Эти безвкусовые украшения, несомненно, развесили в честь праздника.

Лестрейд, кажется, что-то такое припомнил:

– И вы бросили меня тут одного изнемогать от ожидания, да?

– Я был уверен, что столь опытный сыщик, как вы, предусмотрел задержку и остался на платформе лишь потому, что не испытывал желания промочить горло.

Слова Холмса сочли сарказмом. Я вновь закашлялся, скрывая смех.

– Да-да. Конечно, – проямлил Лестрейд и поднял глаза на флаги. – Возмутительная безответственность.

– Совершенно верно, инспектор, – согласился Холмс. – Уверенная поступь промышленного прогресса то помогает сыску, то мешает ему. Станем ли мы благодарить прогресс за первое и бранить за второе? – Холмс указал концом трости на ближайшее железнодорожное полотно: – А! Вот и наш запоздалый поезд, если я не ошибаюсь.

---

⁸ Юнион Джек – неофициальное название флага Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Учрежден в 1801 году. Сочетание цветов и расположение полос на нем отражают особенности существовавших в то время флагов Англии, Шотландии и Ирландии, символизируя их союз.

Секундой позже пыхтящий состав вполз на станцию. Пассажиры также были украшены растяжками и вымпелами, которые отрывисто хлопали на ветру и будто рукоплескали Холмсу, дразня инспектора.

– Возмутительная безответственность, – повторил Лестрейд, пока мы усаживались в вагон первого класса.

Я снова «прокашлялся».

Как только мы заняли места и поезд набрал скорость, Холмс принялся рассуждать вслух:

– А где был наш лесоруб во время второго убийства, инспектор? Что там у него за алиби?

– Трактир «Крюк и ножницы» в Шепердс-Буше расположен в миле на юг от места преступления. Его хозяин готов подтвердить под присягой, что Холлис провел там весь вечер и был слишком пьян даже для того, чтобы добраться до двери, не говоря уже о двухмильной прогулке с целью снять трезвому охраннику голову с плеч.

– И кто может подтвердить историю трактирщика?

– Двое. Во-первых, дочь лесоруба, которая, как обычно, была с ним в трактире той ночью.

Я выразил недоверие, громко хмыкнув:

– Он что, среди ночи в метель потащил свою маленькую дочку в трактир?

– Мать бедняжки скончалась родами, и Холлис вынужден повсюду таскать девочку за собой, – объяснил Лестрейд. – Констебль узнал от нее, что в ночь второго убийства они с отцом оставались в трактире до рассвета.

– А во-вторых? – поинтересовался я.

– Жена трактирщика из жалости обычно забирает малютку в комнаты над трактиром, чтобы та поиграла с ее ребятишками. А тем временем папаша внизу накачивается элем и засыпает до утра. Трактирщица готова поклясться, что в девять уложила девочку вместе со своими детьми. После она по доброте душевной – три часа до и два часа после убийства – каждые десять минут проверяла, не намерен ли Холлис покинуть трактир. Так вот, он даже с места не сдвинулся.

– Значит, преступление было совершено около полуночи. Верно, инспектор? – предположил Холмс.

– Ближе к двенадцати.

– А первое, как вы упоминали, случилось ближе к утру?

– Да. По утверждению тюремного доктора, взявшего на себя роль патологоанатома, смерть первой жертвы наступила между часом тридцатью и двумя тридцатью ночи.

– Очень хорошо. Спасибо, инспектор.

Холмс откинулся на спинку, после чего замолчал и задумчиво уставился в окно. Мы с Лестрейдом до конца поездки развлекали друг друга разговорами о Новом Скотленд-Ярде и других вещах, не имеющих никакого отношения к убийствам.

Как только мы сошли на станции в Шепердс-Буше, к Лестрейду подошел констебль, отдал честь и представился как сержант Куин.

Лестрейд отсалютовал в ответ и указал на нас:

– Это мистер Шерлок Холмс и его компаньон доктор Уотсон. Они должны иметь доступ ко всем материалам дела наравне со мной. А теперь, будьте добры, Куин, отведите нас к местам преступлений.

– Как скажете, сэр, – кивнул тот с улыбкой и пригласил к ожидавшему экипажу.

– Что насчет нашего багажа? – осведомился я.

Сержант вытянулся по стойке смирно:

– Я распоряжусь, чтобы его доставили... Где вы собираетесь остановиться, господа?

– Было бы замечательно, если бы славный констебль распорядился доставить наши вещи в трактир «Крюк и ножницы». Спасибо, – проговорил Холмс.

– «Крюк и ножницы», сэр? Человек вашего положения, определенно, предпочел бы разместиться в более приличном месте. – Куин поднял руку и указал на внушительное здание на северо-восточном углу перекрестка: – Может, вам больше подойдет «Герб Бомонов», тут, через дорогу?

Я уже собирался принять его соблазнительное предложение, когда вмешался Холмс.

– «Крюк и ножницы» будет в самый раз, благодарю вас, сержант, – ответил он, поставив точку в разговоре.

– Отлично, сэр.

Куин подошел к телеге с сеном, в которой лениво развалился местный фермер, пока его лошади пили из корыта, и попросил доставить наш багаж в трактир.

Глава пятая

Сержант Куин приехал за нами на станцию в открытой повозке. И по пути обоняние мое неожиданно уловило запах цветов – приятный сюрприз в студеную пору. Источник аромата я обнаружил, заметив указатель «Фритвильские сады» и множество оранжевых. Мы повернули на запад к Аксбридж-роуд и продолжили путь по ней, пока не свернули на север к Блумфонтейн-роуд.

Дорога увлекала нас все дальше на север от Шепердс-Буша. Я, признаться, был поражен, как быстро лондонский пригород уступил место лесам и обширным сельскохозяйственным угодьям. Мы продолжали двигаться на север по Блумфонтейн-роуд, и вскоре Куин указал на фермы Уормхолт и Олд-Оук, мимо которых мы как раз проезжали. Они были аванпостом цивилизации в этом глухом уголке Англии. Окружая фермы, от самого Шепердс-Буша до мрачных стен тюрьмы Уормвуд-Скрабс тянулись поля, луга и леса.

Мы покрыли около десятой части мили, когда Куин свистом остановил лошадь у низкой каменной изгороди. Поставив повозку у правой обочины, мы преодолели изгородь и направились на восток через спавшие под снегом пастбища и фермерские земли. Ранний снегопад покрыл местность кипенно-белым искрящимся одеялом в фут толщиной, и вид был настолько прекрасным и безмятежным, что почти заставил меня забыть о причине нашего визита.

Через сотню ярдов мою мечтательность затмил ужас: большое пятно багровело на снегу, точно небрежный великан пролил пиршественную чашу на девственно-белый афганский ковер. Рядом с пятном на снегу все еще можно было разглядеть отпечаток человеческого тела. Две параллельные полосы отделяли нас от места убийства, следы внутри колеи указывали на юго-восток. Холмс подбежал к отпечатку тела, взмахом руки остановив нас на обозримом расстоянии.

Он прокричал Куину:

– Полагаю, эти следы оставлены санями мистера Холлиса?

– Да, мистер Холмс.

– И могу предположить, – продолжил Холмс, – что мистер Холлис, человек весьма крупный, носит одежду из меха. При нем был большой послушный пес.

Куин выглядел пораженным:

– В точности так, мистер Холмс! Точнее Священного Писания! Но как вам удалось узнать все это по...

Холмс отмахнулся от вопроса Куина и продолжил осматривать пятно.

Не будь я знаком с обычными моего друга, когда он бывал поглощен делом, дальнейшие его действия, пожалуй, меня озадачили бы и даже вызвали немалую тревогу. Сначала Холмс покружил вокруг отпечатка, затем опустился на колени, чтобы изучить пропитанный кровью снег, а после улегся и уставился в небо, в точности повторив позу мертвеца. Со стороны могло показаться, что он на загородной прогулке и всего-навсего отдыхает.

Наконец он быстро встал и пошел по большому кругу, центром которого было место убийства. Не успев завершить круг, Холмс резко упал на одно колено, извлек из нагрудного кармана лупу и начал внимательно рассматривать непримечательный на первый взгляд пятак. Затем, опять вскочив на ноги, рванул в северо-восточном направлении. Он призвал нас следовать за ним, но взмахом руки дал понять, чтобы мы держались подальше от места преступления.

Через несколько сотен ярдов Холмс вновь припал на одно колено и примерно с полминуты изучал снег. Потом он поднялся и вернулся к нам.

Обращаясь к Куину, Холмс сказал:

– Возьмусь предположить, что прочие следы, а также отпечаток колес повозки оставлены людьми, забравшими тело жертвы, и появились после того, как вы осмотрели здесь все.

– Да, мистер Холмс, – ответил Куин.

Холмс весело потер руки:

– А теперь, сержант, проводите нас к месту второго убийства, пожалуйста.

Куин вопросительно посмотрел на Лестрейда. Тот кивнул. Тогда констебль достал блокнот, осмотрелся и указал в северо-западном направлении:

– Туда, господа.

Мы пробирались вслед за уверенно шагающим сержантом почти три десятых мили. Я уже начал было ощущать первые приступы боли в ноге, когда заметил неподалеку место происшествия, весьма похожее на первое. Снова большое багровое пятно, а рядом с ним четкий отпечаток человеческого тела.

Подход Холмса к изучению места убийства был все тем же: нас он оставил в стороне, а сам, как и в предыдущий раз, лег в отпечаток, оставшийся от тела незадачливого охранника, и устремил взгляд к небу. Затем Холмс поднялся и продолжил разгуливать вокруг да около, после чего достал свое увеличительное стекло, чтобы исследовать снег.

И снова он сорвался и побежал на северо-восток, пока не опустился на колени с лупой в руке, всматриваясь во что-то невидимое.

– Ага! – крикнул Холмс, вскакивая на ноги. – Они абсолютно одинаковые!

После чего положил увеличительное стекло обратно в карман и вернулся к нам.

– Куда теперь, мистер Холмс? – спросил Куин.

– Не скажу за других, а с меня на сегодня достаточно свежего воздуха. Боюсь, мне привычной густой лондонский смог. Предлагаю переместиться в трактир и наполнить животы мясом и элем, а легкие – табачным дымом.

– Как пожелаете, сэр.

Через полчаса мы уже вытирали ноги у порога трактира «Крюк и ножницы». Обеденная зала, закопченная комната с темными деревянными балками вдоль низкого потолка и дубовыми панелями на стенах, украшенная охотничьими трофеями и пастушьей утварью, не только отвечала названию местности⁹, но и знакомила со старинными ремесленными поделками. Казалось, это скорее охотничий домик, нежели загородная таверна. Повсюду стояли игровые столы, занятые в основном местными жителями.

Мы прошли к бару, где нас встретил хозяин, мистер Пинкертон, грузный лысый мужчина с широкими бакенбардами.

– Добро пожаловать, господа! Ваш багаж уже прибыл, и я отправил мальчишку отнести его наверх. Сейчас там моя жена прибирается к вашему приходу. – Он на секунду пришел в недоумение, а затем спросил: – Вы останетесь втроем? Там только две сумки.

– Нет, – ответил Лестрейд. – Мне нужно будет вернуться в Лондон к своим делам. Я просто сопровождал сюда мистера Холмса.

– А вы довольно проникательны, мистер Пинкертон, – произнес Холмс, расписываясь в регистрационном журнале.

– Только когда дело касается моего ремесла, мистер Холмс. Я держу эту таверну слишком долго, чтобы упустить из виду что-то подобное.

– Но когда он сядет за карты, не услышит и того, как королевская гвардия промаршировала посреди комнаты, – донесся женский голос откуда-то из кухни.

Круглый живот мистера Пинкертона заколыхался от смеха.

– Верней и не скажешь, дорогая. Господа, моя супруга, миссис Пинкертон.

---

⁹ Название «Шепердс-Буш» буквально переводится как «Пастушьи Кущи».

– Ваши комнаты готовы, господа, – объявила трактирщица, крепкая женщина с круглым румяным лицом, светлыми глазами и доброй улыбкой, чья несколько неряшливая одежда и грязный фартук свидетельствовали, что бесконечные дела не дают ей заняться собой. – Могу подать пастуший пирог¹⁰ и эль. Будете обедать тут или у себя?

– Можно и здесь, спасибо. – Холмс будто прочитал мои мысли.

Мистер Пинкертон, разогнав парочку нетрезвых работников с ферм и стряхнув со стола сор, усадил нас в уютном местечке у очага.

А миссис Пинкертон подала обещанный ужин и осведомилась, не нужно ли нам чего-нибудь еще.

– Еда выглядит великолепно, спасибо. А так... Не укажете ли вы нам мистера Холлиса? – попросил Холмс, оглядывая толпу.

– Холлиса еще не было сегодня, мистер Холмс, – ответил Пинкертон, качая головой. – Хотя, думаю, он появится в течение часа.

– Отлично, – оживился мой друг. – Будьте так любезны, познакомьте нас, пожалуйста, как только он придет.

Трактирщик кивнул, беспокойно улыбнулся и уже было собрался уйти, но вдруг остановился и робко произнес:

– Думаю, лучше позволить ему спокойно выпить пару пинт, прежде чем задавать вопросы. Иначе он может и наругать.

– Что ж, тогда запишите его выпивку на мой счет.

Пастуший пирог был так же хорош на вкус, как и на вид, а вот эль местного производства я нашел чуточку слабоватым. После ужина мы с Холмсом заняли пару удобных кресел у огня и закурили в тишине, ожидая прихода Холлиса. Должен признаться, я время от времени задремывал и чуть не подскочил от неожиданности, когда Холмс ткнул меня под ребра.

– Что такое?

Холмс кивнул на дверь:

– Думаю, это наш лесоруб.

Я кое-как разлепил веки и, взглянув на вход, увидел массивную темную фигуру, полностью загородившую дверной проем. Мне пришлось дважды моргнуть, чтобы убедиться, что это не галлюцинация. Холлис был настоящим великаном: около семи футов ростом, руки толщиной со ствол дерева, грудные мышцы выпирают, словно нос корабля. А его угольно-черным кудрям и бороде позавидовал бы сам Эдвард Тич¹¹.

Из-под его мощной руки показалась крошечная девчушка с золотистыми кудрями и пронзительно голубыми глазами, составлявшая со своим косматым родителем почти комический контраст. Великан помог малышке раздеться, и та вопросительно взглянула на него. Своей огромной лапицей отец ласково потрепал ее по голове. Получив одобрителный кивок, девочка улыбнулась и вприпрыжку взбежала по лестнице, как я полагаю, в комнаты Пинкертонов, к своим юным друзьям и их заботливой матери.

Холлис повесил одежду, свою и дочери, возле нашей. Рядом он пристроил громаднейший из всех когда-либо виденных мной топоров. Рассматривая орудие его труда, я невольно представил, как оно отсекает головы двух ничего не подозревающих тюремных охранников.

– Ну-ну, Уотсон! – покачал головой Холмс. – Нельзя видеть в человеке убийцу, не имея на руках фактов.

– В общем, да, но оцените размеры этого... Господи, Холмс! Вы снова прочитали мои мысли!

---

¹⁰ *Пастуший пирог* – картофельная запеканка с мясом. Это традиционное блюдо английской кухни имело и другое название – «коттеджный пирог», поскольку картофель служил основной пищей небогатых людей, живущих в небольших домиках. Его нередко готовили из остатков зажаренного накануне мяса. – *Ред.*

¹¹ *Эдвард Тич* (1680–1718) – английский пират, орудовавший в Карибском море. Имел прозвище Черная Борода.

– Всего лишь оттого, что и сам об этом подумал, друг мой. И тем не менее мы должны помнить: способность или возможность еще не означают вины. Это типичная ошибка сыщика-новичка. И, боюсь, ей особенно подвержены представители сил правопорядка.

– Такие грубые промахи совершают и наши репортеры. Они готовы навесить обвинения в уайтчепелской бойне на всякого, кто имеет несчастье быть хирургом по имени Джек¹². Холмс глубоко затынулся и выпустил в сторону очага несколько колец дыма.

– К сожалению, вы правы, Уотсон. И, сдается мне, ничего не изменится еще как минимум сотню лет.

Я усмехнулся и заказал себе бренди. Мистер Пинкертоном в это время как раз подносил лесорубу его первую пинту и, судя по жестам, уведомил Холлиса, кто взялся оплатить его счет. Тот недоверчиво глянул в нашу сторону, но сдержанно улыбнулся и приподнял стакан. Мы ответили тем же и позволили лесорубу в одиночестве согреться выпивкой, прогоняя промозглую стужу из костей. Когда был выпит третий стакан от щедрот Холмса, мой друг подал знак мистеру Пинкертоном представить нас Холлису. Пинкертоном перемолвился с лесорубом парой слов, а затем махнул нам рукой.

– Билл, – сказал он Холлису, – это мистер Шерлок Холмс. Он и его помощник здесь по просьбе Скотленд-Ярда – расследуют дело об убийстве тюремных охранников.

Холлис попытался приподнять свою тушу со скамьи. Удалось ему это только наполовину, после чего он с тяжелым глухим стуком опустился обратно.

– Прошу меня извинить, джентльмены. Ваша щедрость, похоже, сыграла со мной злую шутку. Я немного перебрал.

– Не стоит беспокоиться, мистер Холлис, – заверил Холмс. – У нас к вам всего несколько вопросов, если не возражаете.

– Ну что ж, присаживайтесь. Попробую удовлетворить ваше любопытство. Хотя я уже выложил все констеблю про то дело.

– Расскажите, пожалуйста, еще раз о том, что вам известно, – настоял я.

Холлис сделал большой глоток эля и поднял глаза к потолку, будто восстанавливая события в голове.

– Так это на Хеллоуин случилось. Мы с малюткой Агнес шли полем в трактир: я – чтобы выпить, а она, значит, играть да учить буквы у миссис Пинкертоном.

– Учить буквы? Так вот зачем вы повели ее сюда в ночь? – спросил я.

– За тем самым. Ее мать, святая женщина, померла, дав ей жизнь. Не оставлю же я малютку в хижине совсем одну, ведь так? Кроме того, денег на нормальную школу у меня нет, а миссис Пинкертоном учит своих детей буквам да цифрам. Вот я и решил испросить позволения для Агнес бывать на ее уроках. Миссис Пинкертоном сказала, что была бы рада. Я и беру дочку сюда каждый раз, как продам то, что нарубил за день.

Холмс понимающе кивнул:

– Расскажите о той ночи, мистер Холлис.

– Как я уже сказал, мы с Агнес шли через поле. Я тянул сани с дровами для Пинкертономов, а Агни и Кромвель, укрытые шкурами, сидели поверх дров.

– Простите, а кто такой Кромвель? – перебил Холмс.

– Мой мастиф, мистер Холмс. Взял его еще щенком, нынче мой оплот и подмога. Отгоняет волков, пока я рублю лес. По правде сказать, он теперь скорее конь, нежели пес.

– Благодарю, продолжайте, – поторопил Холмс.

Холлис сделал еще один порядочный глоток эля и утер пену с бороды.

---

¹² Характер повреждений на теле жертв Джека Потрошителя, убивавшего проституток в Уайтчепеле и прилегающих районах Лондона во второй половине 1888 года, наводил на мысль, что они нанесены человеком, владеющим навыками хирурга или мясника.

– Я вдруг заметил что-то темное в снегу севернее фермы Уормхолт. Мне показалось, что-то тут не так, поэтому я оставил Агнес с Кромвелем, а сам пошел взглянуть. Не успев приблизиться, я понял, что на снегу лежит человек, и был он мертвее мертвого. А еще я увидел, что головы у него нет, а от шеи поднимается пар. Был Самайн¹³, и я сначала подумал, это душа вылетает из тела, чтобы погнаться за нами, так что решил держаться подальше. Кромвель залаял, и я побежал назад к Агнес. Глупое животное лаяло на пустое место. Я усмирил его и направился в трактир.

– Ясно, – сказал Холмс. – Вы узнали погибшего?

– Ну, тогда-то у него не было головы, так что не признал, нет. Потом только сказали, что это был Дженкинс.

– Вы были знакомы с Дженкинсом лично?

– Конечно, он захаживал в трактир почти каждую ночь.

– Так охранники обычно проходят весь этот путь сюда по ночам?

– Еще бы. Здешний эль стоит того, чтобы обойти весь Скрабс. И игральные столы тут лучше, чем в любой другой местной пивной.

– А вы играете, мистер Холлис? – спросил Холмс.

– И не подумаю! Мои денежки слишком мне дороги. И нужно заботиться о малютке Агни, так что, полагаю, одного порока с меня достаточно, да? – Холлис поднял кружку, намекая на слабость к спиртному.

– А больше ничего подозрительного не видели? Может, фермера или других охранников?

– Точно не скажу, мистер Холмс. Мы прямо сюда пришли, и Пинкертон послал своего мальчишку за сержантом Куином.

– Еще кое-что, мистер Холлис, – сказал Холмс с нажимом. – Можно задать пару вопросов вашей дочери о том, что она могла видеть той ночью?

Эта просьба не слишком понравилась Холлису.

– Не понимаю, как это поможет.

– Всегда лучше услышать как можно больше точек зрения, независимо от возраста людей, вовлеченных в дело, – пояснил Холмс.

Холлис пожал плечами:

– Я все же не уверен. Она такая крохотулечка, не хочу расстраивать ее еще больше этим делом.

Холмс кивнул в мою сторону:

– Мой друг – врач. Он прекрасно умеет обращаться с больными, а еще лучше – с детьми. Можете присутствовать во время его разговора с юной леди, если хотите.

Холлис смерил меня взглядом темных глаз и, поразмыслив, согласился:

– Хорошо. Думаю, это сильно не навредит.

Мы втроем поднялись наверх. Холмс остался у дверного проема, а я прошел за Холлисом в небольшую гостиную. Девочка сидела на полу и играла разноцветными кубиками с буквами. Когда она увидела отца, ее ангельское личико осветилось радостью.

– Агни, это доктор Уотсон, – мягко сказал Холлис. – Он и его друг мистер Холмс приехали сюда, чтобы помочь полиции. Они хотят расспросить тебя о том, что мы видели той ночью.

Улыбка с ее лица пропала так же быстро, как и появилась. Теперь девочка выглядела обеспокоенной.

---

¹³ *Самайн* – кельтский праздник окончания уборки урожая, знаменовавший начало нового сельскохозяйственного года. По преданию, в этот день духи строят людям козни и можно увидеть волшебных существ. Его нередко смешивают с Хеллуином.

Я шагнул вперед и сел на пол рядом с ней.

– Здравствуй, Агнес. Что за чудесные кубики! А какой твой любимый цвет?

– Синий, – ответила девочка.

– Мой тоже.

Я поддерживал непринужденную беседу на протяжении минуты-двух. Затем, с согласия мистера Холлиса, который одобрительно мне кивнул, начал задавать вопросы иного рода:

– Агнес, ты можешь рассказать нам о той ночи в поле? Ты видела что-нибудь, что бы нам помогло? Кто поступил плохо с тем человеком?

– Было очень темно, и папа не позволил мне подойти поближе к тому человеку. Так что я ничего не видела. – Она посмотрела на каждого из нас и затем выпалила: – Но я знаю, кто его поранил.

Я повернулся к Холмсу, который выглядел изумленным. Он подошел ближе и опустился рядом на колени:

– Что же случилось с беднягой, Агнес?

Совершенно игнорируя Холмса, она подняла на меня глазки и объявила:

– Это сделали злые феи, доктор Уотсон!

– Ты имеешь в виду кого-то вроде *пука*, злых духов?

– Да, доктор, – пылко согласилась девочка.

Стараясь сохранять скептицизм, я продолжил:

– Почему ты так считаешь? Ты что-то слышала той ночью, Агнес?

– Я поняла, что это феи, когда они пролетели прямо над нашими санями. Наверяд ли папа мог их слышать. Но Кромвель-то услышал, он все лаял и лаял и прогнал их.

– Откуда ты знаешь, что это были именно феи?

– Я слышала, как хлопают их крылья, как они смеются и разговаривают писклявыми голосами, доктор, – ответила она и как ни в чем не бывало стала изображать голоса.

Она вскочила и принялась «летать» по комнате, вытянув руки в стороны и подражая шуму, который производили крохотные феи. Я понял, что подвижный детский ум потерял интерес к нашему разговору.

Тут Холмс повернулся и тихо покинул комнату.

Я уже поднимался, чтобы последовать за ним, когда меня остановил Холлис:

– Не хочу показаться навязчивым, доктор Уотсон, но мы с Агнес живем довольно бедно, и ей нечасто случается бывать у врача. Вот я и подумал...

– О, с удовольствием, мистер Холлис, – уверил я его.

– Я вам, конечно же, заплачу.

– Давайте просто считать достойной оплатой вашу помощь в расследовании.

– О, очень вам обязан, сэр.

– Даже и не думайте об этом, – ответил я.

Он подозвал девочку и, подняв ее как пушинку, усадил на столик. Я нашел Агнес здоровой, выслушал еще раз слова благодарности от ее отца и поблагодарил его за время, потраченное на разговоры с нами, после чего присоединился к Холмсу у очага.

– Ну, Уотсон, что думаете о рассказе девочки? – спросил Холмс, как только я сел в кресло.

– Детские фантазии.

– Или же по-детски наивное толкование фактов.

– Так или иначе, ни она, ни ее отец не могут прояснить дело.

– Похоже на то, – согласился Холмс, снова закурил и, вытянув длинные ноги к камину, сложил руки на груди. – Похоже на то.

Вскоре он настолько замкнулся в молчании, что я, докурив трубку, оставил его перед огнем и отправился спать в отведенную мне комнату.

Глава шестая

На следующее утро, после обильного деревенского завтрака, мы встретились с сержантом Куином, который повез нас на север по Вуд-лейн прямо к тюрьме Уормвуд-Скрабс. Хотя, как уже было сказано, мне доводилось бывать в ее стенах раньше, заведя впереди зловещие здания, я вновь ужаснулся великолепию и мраку, которые соединились в них.

Тюрьма выглядела сразу и красивой, и жуткой, какой, должно быть, видится моряку собирающаяся на горизонте буря, чье грозное великолепие вызывает в душе темный восторг, преклонение перед красотой и в то же время страх перед разрушительной мощью стихии. Вот так и я исполнился страхом и трепетом, когда впереди показалось величественное строение.

По мере нашего приближения к тюрьме все очевиднее становились величина и размах этого места. Постепенно выраставшие из земли стены заслоняли собой все поле зрения. Они возносились вверх на высоту восемнадцати футов и окружали все постройки. Над ними возвышались башни, дымоходы и гигантские тюремные корпуса. Куин вез нас на запад по Дю-Кейн-роуд, пока мы не достигли главных ворот. По бокам к ним примыкали две большие привратные башни, украшенные медальонами с рельефными профилями всеми уважаемых тюремных реформаторов Джона Говарда и Элизабет Фрай. Барельефы располагались на полпути между основанием башни и ее пирамидальной крышей.

Как только мы подъехали ко входу, из врезанной в ворота массивной двери вышли двое мужчин. Первого Куин представил как полковника Джеймса Кэлхуна, начальника тюрьмы. Куин мог и не упоминать его звания. И без того было понятно, что перед нами боевой офицер. Во всей его позе, манере разговаривать и носить мундир чувствовалась военная выправка, а его усы выглядели не менее холеными, чем мои собственные. Вторым человеком оказался мистер Стивенс, помощник.

Полковник Кэлхун был очень любезен, и все же я заметил, что наше общество его смущает. Вскоре причина смущения стала ясной. Ко входу подъехал фургон с надписью «Моллхаусская лечебница для душевнобольных» на борту. Ворота тюрьмы открылись, и показались четверо охранников, волочивших бурно сопротивлявшегося полураздетого мужчину.

Трудно было разобрать речь безумца, почти все слова тонули в бессвязных выкриках и стенаниях. Но когда охранники тащили его мимо нас, я смог кое-что расслышать:

– Вы не понимаете! Я не он! Это все он сделал со мной!

Вопли помешанного произвели на нас с Холмсом самое неприятное впечатление. Заметив это, начальник извинился, сказав, что последние события ввергли тюрьму в пучину волнений и беспорядков.

– Дела недавних дней пошатнули твердость духа у всех, кто здесь работает. Надеюсь, мистер Холмс, вы поймете, в каком затруднительном положении я оказался.

– Безусловно, полковник. И все же такого рода состояния не слишком далеки от нормы, не правда ли? – предположил Холмс, указывая на удаляющийся фургон.

Кэлхун потер подбородок, глядя вслед больничной карете.

– Здесь, в Уормвуд-Скрабсе, заключенные пользуются условиями, которые превосходят все, что могут предложить другие исправительные учреждения Англии. И все же время от времени отдельные арестанты заявляют, что заточение ощутило их душевное здоровье. Однако, как ни странно, обычно мы наблюдаем, что, если человек и склонен сломаться, это, как правило, происходит с ним в первые месяцы пребывания здесь.

Холмс указал на фургон, удалявшийся по Дю-Кейн-роуд:

– Как я понял из ваших слов, такого не скажешь об этом бедняге.

– Этот преступник, Алфей Скиннер, один из известнейших взломщиков сейфов в Англии. Его посадили в Уормвуд-Скрабс почти три года назад. А пару дней тому назад он ни с того, ни с сего стал вести себя как помешанный, что повлекло за собой необходимость отправить его в Молл-хаус для психиатрической экспертизы.

Холмс смерил начальника тюрьмы подозрительным взглядом:

– Три года, говорите? Вы в этом уверены, полковник?

Кэлхуна, похоже, оскорбил этот вопрос. Он выпятил грудь и вызывающе посмотрел на Холмса:

– Я прекрасно осведомлен, мистер Холмс, что вы не слишком высокого мнения о Скотленд-Ярде, но могу вас уверить: мои методы управления тюрьмой не заслуживают нареканий, и если я сказал, что заключенный Скиннер пробыл здесь три года, значит, так оно и есть!

– Прошу прощения, полковник, – ответил Холмс. – Я не желал никого обидеть или поставить под сомнение ваши профессиональные навыки.

– Хотелось бы надеяться, мистер Холмс, – фыркнул полковник.

Целебный бальзам из лести и раскаяния слегка успокоил уязвленное самолюбие тюремщика.

– Стивенс сопроводит вас к надзирателю, который дежурил в ночи убийств. Удачного дня.

Начальник тюрьмы повернулся и, не дожидаясь ответа, скрылся за дверью, оставив нас в неловком молчании.

К счастью, Стивенс заговорил первым:

– Ну что ж, мистер Холмс, начнем, пожалуй.

Мы проследовали за помощником Кэлхуна через огромные двери к сердцу тюрьмы.

Миновав караульное помещение при входе, мы попали в великолепный сад, разбитый во внутреннем дворе между четырех длинных четырехэтажных тюремных корпусов. Между воротами и двором стояла почти законченная часовня в романском стиле. Предвидя мой вопрос, Стивенс указал на постройку:

– Давненько вы тут не были, а, доктор?

– И в самом деле. Кажется, она уже совсем готова.

Он махнул рукой, обращая наше внимание на заднюю сторону сооружения:

– На самом деле нам остается достроить с боков переходы, чтобы заключенные могли посещать воскресные богослужения, не сталкиваясь с местными жителями.

Стивенс стал объяснять, что жители местного прихода взялись финансировать строительство взамен на отказ от исполнения смертных приговоров в Уормвуд-Скрабсе.

– Впечатляет, – равнодушно произнес Холмс.

– И, я уверен, это послужит еще одним шагом к исправлению заблудших душ, – добавил я, желая сгладить впечатление от его сухости.

Через небольшой садик мы попали в то, что было, очевидно, своего рода казармами тюремщиков. Нас сопроводили в приемную, перегороженную по всей длине высокой стойкой. Сидевший за ней крупный охранник вытянулся по струнке, увидев Стивенса.

– Вольно, Бёрт, – проговорил тот и, указав на нас с Холмсом, добавил: – Эти господа, мистер Холмс и доктор Уотсон, прибыли из Лондона, чтобы расследовать убийство Дженкинса и Болдуина. Господа, это наш новый надзиратель, Джон Бёрт.

Мы кивнули в знак приветствия, и Стивенс повернулся обратно к стойке.

– Что, Тиг уже здесь, Бёрт? – спросил он.

– Да, сэр. Ожидает в кабинете, как вы и просили, – отрапортовал Бёрт, отпирая решетку слева от стойки. – Но он сейчас не в самом приятном расположении духа.

– Хорошо, Бёрт. Продолжайте нести службу, – распорядился Стивенс и повел нас через проход в короткий коридор.

Мы вступили в комнату в конце коридора. Посередине за небольшим столиком сидел надзиратель. Он подскочил, как только мы вошли.

– Вольно, – приказал Стивенс, представил меня и Холмса этому высокому хорошо сложенному мужчине, после чего, извинившись, покинул комнату и закрыл за собой дверь.

Холмс сел напротив тюремщика:

– Заранее благодарю за помощь, сэр. Я постараюсь не отнять у вас слишком много времени.

Тиг отклонился в кресле:

– Поздновато вы, не так ли?

Холмс и бровью не повел, обратив все свое внимание на надзирателя.

– Мистер Тиг, как давно вы были знакомы с вашим коллегой Дженкинсом?

– Я скажу вам то, что уже говорил Бёрту. У меня нет ничего общего с этим делом! –

Он почти кричал.

– Насколько мне известно, никто вас ни в чем не обвиняет. Если вы просто ответите на пару вопросов, уверен, все будет в порядке, – сказал Холмс своим самым умиротворяющим тоном. – Так как долго вы знали охранника Дженкинса?

– Я был знаком с ним достаточно давно, – ответил Тиг с некоторым озлоблением.

– Достаточно для чего, мистер Тиг?

– Достаточно, чтобы знать, что он был шулер, изрядно напивался и имел привычку избивать здешних арестантов.

– Говорите, он был профессиональным карточным мошенником?

– Верно, мистер Холмс, Дженкинс был обычным каталой. Из тех, кто вечно торчит во всяких забегаловках и пабах, обувая деревенщину на их дневной заработок.

– И велики ли были его успехи на этом поприще?

– Поначалу ему везло. То и дело он махал у нас перед носом своими выигрышами. Но когда пошел слух, что он играет нечестно, за карточный стол с ним уже никто не садился. Вскоре его обчистили, и он все потерял. Стал все время мешаться под ногами, выпрашивал у меня и других надзирателей по паре пенсов. Я даже занимал ему несколько раз, вот так.

– Не знаете, многим ли Дженкинс задолжал?

– Мне известно о пятерых, мистер Холмс, но не поймите меня неправильно, он вскоре уладил все дела.

– Так он расплатился со всеми долгами? – поинтересовался я.

– Да, доктор. Неделью назад пришел и расплатился по всем счетам. Сказал, ему недавно повезло по-крупному.

– А что насчет мистера Болдуина? – спросил Холмс. – Как вы можете его охарактеризовать?

– Он был славным малым. – Лицо Тига приняло задумчивый вид. – Ходил в церковь каждое воскресенье, имел жену и целую ораву ребятишек, о которых нужно было заботиться.

– Значит, у Болдуина было много детей?

– Четверо парней и четыре девчушки остались без отца, – вздохнул Тиг и покачал головой. – Многовато, на мой взгляд, да и не по моему кошельку.

– Я так понимаю, что, находясь в равных званиях с Болдуином, вы получали одинаковое жалованье?

– Верно.

– Выходит, Болдуину тоже частенько не хватало денег?

– Я полагаю, Болдуин был слишком горд для того, чтобы занимать по шесть пенсов у других надзирателей, как это делал Дженкинс.

Холмс откинулся на спинку стула, глубоко задумавшись. Наконец он осведомился:

– А вы, случайно, не знаете, не возросли ли доходы Болдуина в последнее время?
Тиг поразмыслил.

– Раз уж вы заговорили об этом, мистер Холмс... Тут такое дело. Пару воскресений назад я стоял, созывая заключенных в церковь. Тут заходит Болдуин с Фрэнсис и детьми, и все до единого щеголяют в новехонькой одежке и обуви.

– Не знаете, откуда такая удача? – спросил я.

– Точно не скажу, – ответил Тиг. – Ходили сплетни, что он брал взятки.

– И с кого, позвольте поинтересоваться? – подгонял Холмс.

– Это так и осталось тайной – спустя пару дней он лишился головы. – Тиг понурился. – Жаль Фрэнсис и детей. Им придется несладко теперь, когда Болдуина не стало.

– Как думаете, Дженкинс и Болдуин могли поступиться совестью и пойти на взяточничество или вымогательство?

– Должен признаться, мистер Холмс, в свете недавних событий мне это представляется весьма вероятным, – заявил Тиг.

– И последний вопрос, если позволите, – сказал Холмс. – Вы дежурили на Хеллоуин и на следующую ночь?

– Да.

– Видели или слышали что-нибудь необычное?

Тиг задумался на мгновение, нервно глянул на дверь и робко произнес:

– Да, но я не уверен, что хотел бы заявлять об этом публично.

– Уверяю вас, мистер Тиг, никто здесь, в тюрьме, не будет посвящен в то, что вы сообщите нам. Можете довериться мне и доктору Уотсону. Вашей репутации ничего не угрожает.

Тиг с минуту рассматривал нас, прикидывая, стоит ли верить Холмсу. Наконец он опустил плечи и, похоже, расслабился в своем кресле.

– Ну, в ночь на Хеллоуин я дежурил у южной стены. Смена уже заканчивалась, а мой сменщик запаздывал.

– Кто должен был заменить вас? – прервал Холмс.

– Болдуин, если уж на то пошло.

– Хорошо. Но что же вы слышали или видели той ночью?

– Как уже говорил, я дежурил у южной стены и только-только закурил трубку. Внезапно над моей головой непонятно откуда раздался отдаленный звук, который я поначалу принял за музыку. Но наверху ничего видно не было.

– И что напоминали эти звуки?

Снова на лице Тига появилось робкое выражение, и он попытался уклониться от ответа. Потом вздохнул и пожал плечами.

– Ну, то, что я слышал, не могло быть ни чем иным, как вопль банши¹⁴. У меня волосы на голове зашевелились. Думал, настал мой час и она пришла за мной. А на следующий день я узнал, что на самом деле она забрала Дженкинса, – сказал Тиг, указав пальцем вверх.

– Опишите, пожалуйста, звук, – настаивал Холмс.

– Длинный пронзительный вопль. Не то чтобы сильно похожий на женский. Но, если это убило Дженкинса, оно же не могло быть ничем другим, так ведь?

Холмс поднялся и открыл дверь:

– Спасибо за ваши откровенные ответы, мистер Тиг. Можете вернуться к своим обязанностям.

Как только Тиг ушел, в комнате снова появился Стивенс:

– Что ж, мистер Холмс, если вы закончили здесь, куда прикажете отправиться дальше?

---

¹⁴ Банши – персонаж ирландского фольклора, призрачная плакальщица, которая появляется возле дома обреченного на смерть человека и своими стонами и рыданиями предвещает близость его кончины. – *Ред.*

– В морг, с вашего позволения, – ответил Холмс.

Мы проследовали в лазарет. Там я встретил доктора Финеаса Брамса, с которым познакомился в один из моих предыдущих визитов. Он был в сюртуке, с повязанным поверх фартуком, седеющие волосы беспорядочно торчали во все стороны.

– Ну и ну! Сам Джон Уотсон! – воскликнул Брамс, энергично пожимая мне руку.

– Рад снова видеть вас, доктор, – сказал я. – Это Шерлок Холмс. Безусловно, вам известно, что Скотленд-Ярд попросил его расследовать убийства ваших надзирателей.

– Готов оказать любую помощь. По мере своих сил, конечно, – уверил нас доктор Брамс.

– Можно увидеть тела убитых, доктор? – спросил Холмс.

– Разумеется. Сюда, пожалуйста, – пригласил доктор, ведя нас к моргу в подвале здания.

Прежде чем зайти в прозекторскую, мы помазали под носом эвкалиптовым маслом, чтобы меньше ощущать зловоние разлагающейся плоти. Доктор вошел первым и зажег лампы. Это была большая прямоугольная комната, по углам которой стояли четыре стола, разделенных обширным пространством.

На самых дальних от двери столах лежали тела несчастных, накрытые широкими белыми простынями. Доктор Брамс подвел нас к ближайшему телу и раскрыл его.

– Это первая жертва, Дженкинс, – сказал он. – Другой – Болдуин.

Мы приблизились к первому столу. Обнаженное тело мужчины покоилось на спине со скрещенными на груди руками.

Холмс посмотрел на меня, призывая обследовать труп. Сам же он принялся разглядывать комнату в поисках чего-то. Я произвел беглый осмотр и не обнаружил следов вскрытия, так как причина смерти была видна невооруженным глазом. Как и говорилось в отчете, головы мужчин были отделены от тел чем-то очень острым, очень ровно рассекшим кожу, мышечные ткани и кости. Мне подумалось, что даже скальпель искуснейшего хирурга не смог бы сделать более чистого разреза, разве что нож гильотины.

– А где их одежда? – спросил Холмс.

– Здесь, в ящике, – ответил доктор, указывая на металлический шкаф напротив двери.

Холмс испустил разочарованный вздох, вытащив кипу скомканной форменной одежды из полотняного мешка.

Доктор, понимая его недовольство, быстро проговорил:

– Полагаю, мне следовало разложить их по отдельности, но я так торопился осмотреть тела, что упустил из виду эту деталь.

– Думаю, мы могли бы измерить их и определить, какая форма кому принадлежит, а, Холмс? – предложил я.

– Спасибо, Уотсон, но в этом нет необходимости. Форму можно различить по чину. Доктор, вы помните, кто из них был старше по званию?

Брамс на секунду задумался и ответил:

– Дженкинс.

– Значит, – Холмс взял форменное пальто и положил его на стол рядом с Дженкинсом, – форма с большим количеством шевронов принадлежала ему. И, так как китель Болдуина регулярно утюжили и крахмалили, осмелюсь сделать вывод, что эти хорошо отпаренные брюки тоже его.

Холмс обернулся к шкафу и извлек оттуда две пары ботинок.

– Теперь разберемся с обувью, – объявил он.

Я осмотрел ступни обоих трупов и после пары измерений повернулся к Холмсу:

– У них одинаковый размер.

Вместо ответа он принялся изучать ладони трупов. Покончив с этим, поглядел на меня:

– Обычно, Уотсон, ведущая нога находится на той же стороне тела, что и ведущая рука. Судя по этим мозолям на указательном и большом пальцах, можно заключить, что Дженкинс был правой.

Холмс повернулся к другому столу и после осмотра ладоней второго мужчины, произнес:

– Однако у Болдуина, определенно, ведущей была левая рука.

Затем Холмс повернулся к ботинкам и составил их в пары, после чего перевернул и принялся рассматривать подошвы.

– Вот здесь, Уотсон. Видите? Следы износа и потертости на подошве свидетельствуют о том, что у владельца *этой* пары ведущей была левая нога. – Он положил ботинки на стол напротив второго трупа. – Следовательно, они принадлежали Болдуину, тогда как эти носил правша Дженкинс.

Холмс достал из нагрудного кармана увеличительное стекло и с впечатляющей целеустремленностью осмотрел форму охранников, начав с той, что принадлежала Болдуину. Я знал, что лучше его не отвлекать, и потому снова занялся осмотром трупов. Минут через десять Холмс вновь перевернул ботинки Дженкинса и принялся изучать их под лупой. Тут из одного ботинка выпал небольшой листок бумаги и спланировал под ноги Холмсу.

– Ха! Что это тут у нас? – воскликнул он, наклонившись, чтобы поднять листок.

Записка была согнута пополам и немного смята. Развернув ее, Холмс изучил листок.

– Написано мужским почерком на обычной писчей бумаге. Похоже, второпях. Видите, вот тут? Бумага испачкана: ее сложили, не дав чернилам просохнуть. Давайте посмотрим, что же здесь такого важного, что Дженкинс решил спрятать ее в ботинок.

Холмс передал мне записку, предлагая прочесть ее вслух. Она гласила:

Локьер был прав.

Рэмзи, Университетский колледж, Лондон.

Он отлично справится с задачей.

Кобер не доставит проблем. Убеди его.

А. С.

– Невероятная удача, джентльмены! – воскликнул Холмс с блеском в глазах. – Кажется, Дженкинс заговорил с нами с того света, в некотором роде.

– Что за люди упомянуты в записке, Холмс? Вы их знаете? – поинтересовался я.

Он еще раз изучил текст и, кивнув, убрал листок в карман.

– Локьер и Кобер мне не знакомы. Иное дело – Рэмзи. Автор записки был так любезен, что указал, где его искать, – в Университетском колледже, в Лондоне. И, будучи химиком-любителем, я смею предположить, что это не кто иной, как Уильям Рэмзи, выдающийся авторитет в области химии. Не могу только сказать, с какой именно задачей, как утверждает автор послания, «отлично справится» Рэмзи. Думаю, мы должны нанести визит в университет в Блумсбери, Уотсон.

Глава седьмая

Куин отвез нас на станцию Уормвуд. Когда мы стояли на платформе, он осведомился у моего друга:

– Могу ли я предпринять что-то в ваше отсутствие, мистер Холмс?

– В сущности, остается открытым вопрос об источнике внезапного богатства Болдуина. В конце концов, ввиду отсутствия доказательств противного, для этого могла быть вполне обыденная причина. Неплохо бы потолковать с миссис Болдуин.

– Как пожелаете, сэр. О результатах я извещу вас телеграммой. Куда ее послать?

– Мы будем в Университетском колледже большую часть дня, – ответил Холмс, усаживаясь в поезд.

В вагоне мы молчали. Мой друг, казалось, разглядывал пейзажи за окном, а я дремал. Немногим позже мы сошли на Юстонском вокзале, неподалеку от Монтегю-стрит, где Холмс когда-то снимал квартиру. Оттуда было рукой подать до Гоуэр-стрит и почтенного учебного заведения, чье величественное здание нельзя созерцать без восторга.

Мы пересекли двор, поднялись по ступенькам и вошли в колледж через исполинских размеров греческий портик. Студенты, у которых мы осведомились о расположении ректората, указали на помещение в противоположной части увенчанного куполом круглого зала-ротонды. Оттуда нас проводили на факультет неорганической химии, который, как сообщил Холмс, последние три года возглавлял профессор Рэмзи.

Пока мы ожидали его с лекции, я заглянул в лабораторию, оборудованную по последнему слову техники: масса пробирок, мензурок, змеевиков и газовых горелок. Никакого сравнения с домашней лабораторией Холмса. Я взглянул на своего друга и был необычайно удивлен тем, что он, обычно тщательно скрывающий свои эмоции, с откровенной жадностью взирает на все это.

Долго ждать нам не пришлось. Рэмзи зашел в кабинет, и, пока он разговаривал с секретарем, я отметил, что этот человек гораздо выше и стройней большинства профессоров, преподававших мне в медицинской школе. В свои тридцать с небольшим он был как минимум таким же высоким, как Холмс, и носил козлиную бородку, резко обрывающуюся на линии подбородка. Создавалось впечатление, что перед нами личность неординарная и обладающая неоспоримым авторитетом. Он подошел и с большим воодушевлением поприветствовал нас.

– Мистер Шерлок Холмс, я полагаю, – сказал он с ярко выраженным шотландским акцентом, энергично тряся руку моего друга. – Что за приятный сюрприз!

– Рад слышать, – ответил Холмс и указал на меня: – Это мой друг и коллега доктор Уотсон.

– Приятно познакомиться с вами обоими, разумеется. – Рэмзи пристально разглядывал детектива-консультанта, словно пытаясь определить, насколько тот соответствует своей репутации. – Мистер Холмс, должен признаться, что страстно желал познакомиться с вами с тех самых пор, как прочел ваше «Практическое руководство по анализу окисей в криминалистике», а также узнал о ваших подвигах из журнала «Стрэнд».

– Вы заставляете меня краснеть, профессор, – сказал Холмс. – Та работа была всего лишь скромным исследованием ржавчины. Не стоит относиться к ней слишком серьезно.

– Напротив, мистер Холмс. Видите ли, я сам недавно опубликовал несколько исследований оксидов. И все же мои изыскания по большей части носят теоретический характер. Проблема в том, что здесь, в университете, мы, ученые, имеем дело в основном с умозрительной стороной наших открытий. А вот вы, приняв на вооружение наши теории и разработав свои собственные, нашли им практическое применение вне стен лаборатории, чему я, при-

знать, завидую. – Он со вздохом оглядел лабораторию. – О, если бы я только мог вырваться из этой золотой клетки и заняться чем-то вроде вашего ремесла.

– Я смущен, профессор. Однако у вас все же есть возможность поучаствовать в этом, хотя бы и косвенно.

Улыбка пробежала по лицу ученого, глаза его загорелись.

– Охотно соглашусь.

Рэмзи повел нас в комнату рядом с лабораторией и предложил занять два кресла напротив кушетки, на которую уселся сам.

Холмс кратко описал все приключившиеся в Шепердс-Буше необычные события вплоть до сегодняшнего дня и под конец достал бумажку, найденную в ботинке Дженкинса.

– Небольшая сноска¹⁵, так сказать, – усмехнулся профессор.

Должен признаться, я рассмеялся над его каламбуром, а вот мой друг едва улыбнулся.

– Прошу прощения, мистер Холмс, – покаянно произнес Рэмзи. – Продолжайте, пожалуйста.

Холмс прочел записку вслух и передал ее профессору.

– Эти имена вам о чем-нибудь говорят? – спросил он.

Рэмзи в замешательстве уставился на листок:

– Единственный Локьер, которого я знаю, это сэр Джозеф Норман Локьер. Но он всего лишь безобидный астроном. Они не могли иметь в виду его.

– А насчет Кобера?

– Никогда не слышал этого имени, мистер Холмс.

Он вернул записку Холмсу, а тот обратил внимание профессора на упоминание его имени и утверждение, будто Рэмзи «отлично справится с задачей».

– Как думаете, что подразумевал автор записки, профессор?

Рэмзи снова пришел в замешательство:

– Не имею ни малейшего представления, мистер Холмс. Никто не обращался ко мне за консультацией, хотя погодите... Кое-что, пожалуй, все-таки было.

Профессор вскочил с кушетки и исчез в маленьком кабинете, смежном с комнатой, где мы сидели. Вернулся он с конвертом.

– Я получил это со вчерашней почтой.

Он открыл конверт и передал Холмсу письмо.

Мой друг нетерпеливо пробежал послание взглядом.

– Говоря вкратце, – объяснил Рэмзи, – это запрос из недавно созданной небольшой инженерной фирмы. «Индастриал энд инжиниринг траст лимитед» – так, кажется, она называется. Меня просят дать профессиональное заключение относительно разработанной ими технологии, которая будто бы позволяет извлекать золото из обычной морской воды.

– Вы верите в то, что такое возможно?

Профессор пожал плечами:

– Как я сказал, письмо только что пришло. На подробное изучение всего процесса могут уйти месяцы, а то и годы. Я не вправе рисковать профессиональной репутацией, давая поспешное заключение.

– Мне кажется, профессор, это вполне может быть та «задача», о которой говорится в записке, – подытожил Холмс.

– Вы действительно так считаете?

– Вероятно, кто-то задумал украсть технологию, к которой вы можете получить доступ, учитывая сферу деятельности фирмы, – допустил Холмс.

– Полагаю, такое нельзя исключить, – согласился Рэмзи.

---

¹⁵ Английское слово foot-note (сноска) можно дословно перевести как «записка на стопе».

– Если так, вашей жизни, возможно, угрожает смертельная опасность, профессор.

– Что же, по-вашему, мне теперь делать? – Рэмзи явно был испуган.

Задумавшись на минуту, Холмс встал и вернул ему письмо.

– Прежде всего, нужно это спрятать в безопасном месте. Затем я телеграфирую в Скотленд-Ярд, чтобы сюда прислали пару констеблей в штатском. Они обеспечат вам защиту до тех пор, пока все не разрешится.

– Вы уверены, что этого будет достаточно? – спросил Рэмзи.

– Несомненно. Если вас что-либо насторожит, можете связаться с инспектором Лестрейдом в любое время дня и ночи от моего имени.

– Благодарю вас, джентльмены. – Рэмзи встал, чтобы пожать нам руки. – Хотя я и мечтал о каком-нибудь приключении, это не совсем то, на что я рассчитывал.

Мы покинули Рэмзи, заверив его, что беспокоиться не стоит. Уже на выходе, когда мы спускались по лестнице, нас нагнал служитель с телеграммой от Куина.

Холмс зачитал ее вслух:

Болдуин не сказал жене, откуда взял деньги. Их источник по-прежнему загадка.

– Что скажете, Холмс? – спросил я.

– Скажу, мой дорогой Уотсон, что Дженкинс и Болдуин заключили сделку с дьяволом.

И теперь наша задача изгнать его.

Холмс повернулся к служителю и, дав ему совет, велел отправить телеграмму в Скотленд-Ярд, чтобы в колледж прислали полицейских для охраны профессора Рэмзи. У подножия лестницы Холмс обратил мое внимание на Гоуэр-стрит, указав рукой в южном направлении.

– Уотсон, по воле Провидения мы оказались в нескольких кварталах от «Альфа инн». Как насчет первоклассного обеда перед возвращением в Шепердс-Буш?

– Отличная мысль, Холмс! – ответил я с излишней живостью. – Показывайте дорогу!

Превосходно отобедав, мы вернулись в маленький трактир на краю хаммерсмитских лесов, к призрачному охотнику за головами, затаившемуся где-то поблизости.

Глава восьмая

Пятого числа, когда уже близилась полночь, Холмс постучал в дверь моей комнаты. В руках он держал мое пальто, докторский саквояж и трость.

– Не желаете ли совершить вечернюю прогулку, Уотсон?

– В такой час, Холмс?!

– Принимая во внимание, что убийства произошли ночью, нам стоит взглянуть на местность сейчас. Она уж точно выглядит иначе, чем при ярком солнечном свете. Да и звуки в ночи могут казаться совсем иными.

– Вне всяких сомнений, – вяло отозвался я.

– Я намереваюсь осмотреть места происшествий при тех же условиях, какие сопутствовали совершению убийств.

– Пожалуй, это разумно, – признал я, покривив душой, покорно оделся и, прихватив саквояж и трость, уныло поплелся к выходу.

Четверть часа спустя мы оказались к северу от трактира и огибали ферму Олд-Оук с востока. Ночь выдалась безлунной, и тьма почти осязаемой завесой встала перед моими глазами. Мы с Холмсом несли фонари, позаимствованные перед выходом у миссис Пинкер-тон. На подходах к полю перед Скрабсом я заметил необычную туманную дымку, стелющуюся невысоко над землей. От слабого ветра она перекачивалась волнами, то спускаясь, то поднимаясь, словно живое существо. Дымная мгла струилась между голыми деревьями далеко на запад, покрывая поле и шевелясь у наших ног.

Моей первой мыслью было, что где-то неподалеку от нас полыхает лесной пожар. Как только мы вошли в дымку, до ушей моих стал доноситься странный звук. Он быстро пронесся в воздухе и эхом отразился в лесу на востоке. Я поначалу решил, что это попросту игра воображения, но, к ужасу своему, начал узнавать в этом звуке повторяющиеся детские напевы.

Еще удивительнее было то, что отдаленные голоса, казалось, прилетали с разных сторон: сперва из окрестных лесов, а затем со стороны ферм и тюрьмы. Эта бесплотная мантра становилась все более отчетливой, и я смог разобрать несколько слов: «Помнят... задумал... заговор».

Детские голоса слышались все явственней и громче, отчего у меня по спине пробежал холодок, а кожа вся покрылась мурашками. На ум тут же пришли слова Агни о том, что в окрестностях Скрабса обитают злые феи, а заодно и история Тига про банши. Наконец, не в силах больше этого выносить, я остановился и попробовал определить источник шума. Застыв на месте, я заметил, как со всех сторон появились маленькие светящиеся точки, словно множество блуждающих огоньков мерцало в темноте. Если Холмс и наблюдал то же самое, то не подал виду. Это добавило мне опасений, что я один внимал песнопениям призрачного хора.

– Слышите? – наконец решился спросить я.

– Детское пение? Конечно.

Я облегченно вздохнул:

– Ну, знаете, можно было и сказать что-нибудь! Я уж вообразил, что спятил.

Холмс усмехнулся.

– И что вы обо всем этом думаете? – поинтересовался я.

– Пятое ноября, Уотсон. Ночь костров.

Тут я должен объяснить кое-что читателям, живущим за пределами Британии. Пятого ноября мы празднуем ночь костров, или ночь Гая Фокса, отмечая провал так называемого Порохового заговора в целях покушения на короля Якова I в 1605 году. Гай Фокс был аресто-

ван, когда пытался поджечь спрятанные в подвале Вестминстерского дворца бочки с порохом. Каждый год в эту ночь детишки в Британии жгут костры, едят сладости и поют всем известную песенку:

Помнят не зря пятый день ноября:
Заговор, было над чем горевать.
И нет причин позабыть, как в ночи
Гай Фокс задумал Парламент взорвать,
Три бочки пороха спрятал внизу.
Но старая Англия сдержит слезу –
Поймали в подвале со спичкой в руке,
Болтался недолго мерзавец в петле.
Хэй-хэй, пусть колокола звонят!
Хэй-хэй, Боже, храни короля!
Гип-гип-ура!

– Ну конечно! А я и забыл! Слишком уж зловещие звуки для ночи, да еще и в таком месте.

– Полагаю, вы правы.

Мы продолжили прогулку, пока наконец не дошли до места первого убийства. На сей раз Холмса, похоже, больше интересовала сама здешняя атмосфера, нежели какие-то криминалистические аспекты. Впрочем, он снова улегся в отпечаток мертвого тела и смотрел на небеса. Сыщик выключил свой фонарь и подал мне знак сделать то же самое. Я подчинился, а он лежал на снегу минут пять, присматриваясь и прислушиваясь невесть к чему.

– Простите мое любопытство, Холмс, – не выдержал я, – но что, скажите на милость, вы надеетесь обнаружить?

Он встал и отряхнулся от снега.

– Фей, Уотсон, фей, – ответил мой друг и направился на юго-восток.

Чувствуя, что уже в который раз пал жертвой его своеобразного юмора, я заявил:

– Фей? Вы это серьезно, Холмс? Вы же не станете утверждать, будто поверили истории маленькой девочки?

– Поверил, – неожиданно ответил он.

– Да вы издеваетесь надо мной, – обиделся я.

– Я верю *фактам*, но не тому, как их истолковал ребенок, – сказал он примирительным тоном. – Определенно, той ночью Холлис и его дочь по пути в трактир столкнулись здесь с чем-то таким, чему невинный детский ум не смог найти объяснения, а потому приписал проискам злых фей.

– Это могли быть фантазии, вызванные явной отцовской тревогой, – возразил я.

– Не совсем, Уотсон. Было что-то реальное, осязаемое, о чем свидетельствует реакция пса Кромвеля. Собаки не лают на детские фантазии, – многозначительно произнес Холмс. – Нет, той ночью здесь точно был кто-то... или что-то. И если нам удастся выяснить, что это было, мы на шаг приблизимся к тому, чтобы привлечь виновных к ответу.

Мы устало продолжили свой путь и снова наткнулись на две параллельные линии в снегу, тянувшиеся с северо-запада на юг. По всей видимости, то были следы саней Холлиса, ведущие от его хижины в лесу до трактира и оставленные в ту ночь.

– Видите эти большие отпечатки мужских ботинок между бороздами, Уотсон? Похоже, Холлис действительно вез девочку и пса на санях. Следы полозьев идут непрерывно, а затем в ближайшей от места убийства точке мужские отпечатки, отделившись, направляются в ту сторону.

– Что ж, это подтверждает показания Холлиса, – заметил я.

– Точно, – согласился Холмс, пройдя еще пару ярдов вдоль колеи. – Здесь, – он указал тростью, – мы видим, что крупные собачьи следы наложились на человеческие. Значит, животное последовало за своим хозяином, а затем внезапно развернулось, направившись назад к саням, где следы спутались в неразборчивый рисунок. Ага! – воскликнул Холмс. – И что это у нас тут?

Еще одна вереница звериных следов уходила в северо-восточном направлении.

– Видите, Уотсон, следы уже не такие глубокие и к тому же смазаны.

Я согласно кивнул.

– Это говорит о том, что животное бежало, возможно преследуя что-то.

– К примеру, белку или ежа? – предположил я.

– Разве что летающую белку, о которых ходят разговоры. Только вот я никогда не слышал о ежах с крыльями. За чем бы наш пес ни гнался, это не оставило на снегу никаких отпечатков.

– Значит, птица?

– Если верить Холлису, Кромвель слишком хорошо натаскан, чтобы подвергнуть опасности маленькую Агнес, пустившись в погоню за совой.

Через пару ярдов собачьи следы развернулись к саням.

Все это отвечало рассказам Холлиса и малютки Агнес о том, что лесоруб оставил собаку у саней и отошел, а затем что-то привлекло внимание Кромвеля. Опять же следы его лап на снегу показывали, что в конечном счете пес решил остаться у саней и охранять девочку.

Глава девятая

Проснувшись на следующее утро вымотанным после ночной прогулки, я оделся и подошел к двери Холмса. На стук никто не ответил, и я спустился по лестнице в надежде застать его за завтраком, однако и внизу моего друга не было. Мистер Пинкертон, стоявший за стойкой, сообщил, что Холмс встал очень рано и ушел, не поев. Он протянул мне записку от сыщика, в которой говорилось:

*Уотсон, ушел в Молл-хаус, вернусь после полудня. Юный отпрыск Пинкертонов нездоров. Вам стоит его осмотреть.
Ш. Х.*

Я поблагодарил Пинкертона и поинтересовался состоянием его сына.

Трактирщик огорченно покачал головой и взмахом руки указал на лестницу:

– Мальчишка проснулся этим утром с жалобами на колики и все держался за живот.

Поначалу я подумал, что он просто отлынивает от домашних дел, но за утро его успело не один раз вырвать.

– Давайте я осмотрю его.

Я сочувствовал мальчику и рад был чем-то занять себя до возвращения Холмса. Колин Пинкертон, белоголовый паренек одиннадцати лет, лежал в кровати, бледный и потный. Краткого осмотра хватило, чтобы понять, что причина недуга (в чем признался сам этот негодник после небольшого нажима с моей стороны) кроется в набеге на отцовские запасы эля, который Колин совершил накануне ночью вместе с другими деревенскими ребятами.

– Чтоб мне сдохнуть! – воскликнул трактирщик, узнав правду. – Значит, парни упились моим элем? Я высеку этого негодника! Он у меня неделю сесть не сможет!

Имея за плечами бурную молодость, я посочувствовал сыну Пинкертона.

– Как медик, могу предложить куда более действенный рецепт.

– Какой же, доктор?

– Ничто не отрезвляет человека лучше и быстрее, чем полный день физического труда. Ваша жена была столь добра, что взялась за обучение дочери Холлиса. Уверен, он будет рад обучить вашего мальчишку своему ремеслу. К полудню тот будет трезвее святого отца.

Досада на лице мистера Пинкертона сменилась хитрой улыбкой.

– А знаете, доктор, вы злодейски коварны, – рассмеялся трактирщик. – Но я не уверен, что смогу уговорить свою миссис.

– Скажите ей, что это врачебное предписание, – ответил я, рассмеявшись в ответ.

Я перекусил ветчиной, яйцами, сыром и небольшим куском хлеба. Чета Пинкертон удалилась наверх, по-видимому обсудить неприглядные ночные забавы сына и мое предложение заодно. Вскоре я обнаружил, что мой совет принят: юный Пинкертон с коробкой для ланча в руке покинул трактир и направился на север, должно быть к хижине Холлиса. Я усмехнулся про себя, припомнив молодого Джона Уотсона, которому преподали подобный урок.

Оставшуюся часть утра я провел, лениво слоняясь по улицам Шепердс-Буша и заходя в разные лавки. Меня поразило, как чудеса индустриального века переплелись здесь с традиционным сельскохозяйственным прошлым этих мест. Далеко на юг от города до самого Хаммерсмита располагались большие склады, мастерские и фабрики. С северной стороны тем не менее упорно придерживались сельского уклада. Весь день я бродил по городу, а затем вернулся в трактир как раз перед обедом.

Ближе к заходу солнца из поездки в сумасшедший дом возвратился Холмс. По прибытии он прошел в свою комнату и переделся в вечерний костюм.

– День выдался продуктивным, Уотсон, – радостно провозгласил он за блюдом с холодным фазаном.

– Вы нашли что-нибудь, что помогло бы нашему делу? – спросил я.

– Должен признаться, да, нашел.

– Тогда не томите меня, Холмс.

– Если помните, Уотсон, вчера, прибыв в тюрьму, мы стали свидетелями того, как вставшего в буйство заключенного отправили в Молл-хаус.

– Еще бы, – согласился я.

– Также вы должны помнить замечание полковника Кэлхуна, начальника тюрьмы, что такая судьба нередко постигает новичков.

Я кивнул.

– К тому же, если припоминаете, Кэлхун назвал имя того человека. Алфей Скиннер, известный в лондонских криминальных кругах Лондона медвежатник. Кэлхун тогда еще удивился, что умом помешался заключенный, находящийся за решеткой уже более двух лет. Пока надзиратели тащили беднягу в больничный фургон, я успел заметить, что его грудь и руки покрыты темным загаром. Это совершенно не сходилось с тем фактом, что он провел последние три года в мрачных стенах лондонской тюрьмы. Я также заметил у помешавшегося две наколки, по одной на каждом запястье, в виде якоря и русалки, и озвучил свои сомнения, чем оскорбил полковника Кэлхуна. Оставив вас утром в трактире и отправившись навещать Скиннера в Молл-хаусе, чтобы задать ему несколько вопросов, я рисковал напрасно потратить время. Однако в деле с убитыми надзирателями я зашел в тупик. Когда я добился свидания с заключенным, тот чуть не расплакался – так благодарен он был за то, что хоть кто-то поверил его словам. Во время беседы в комнате для посетителей он предстал передо мной совершенно другим человеком, выглядел спокойным – ничего общего с тем буйным помешанным, которого мы видели. Чисто вымытый и подстриженный, вполне вменяемый. Я спросил, зовут ли его Алфей Скиннер, и тогда он выкрикнул те же слова, что и за день до того: «Я не он».

«Я верю вам, сэр, – сказал я ему. – Как же тогда ваше имя?»

Он был удивлен тем, что я принял его заявление за истину, и ответил: «Меня зовут Данфорт Скиннер. Алфей – проклятый демон, с которым мне пришлось делить утробу матери. Он мой близнец. Я больше не стану называть его братом».

Картина начала понемногу проясняться у меня в голове, и я спросил, как он оказался в тюрьме Уормвуд-Скрабс вместо Алфея. Он рассказал, что, покинув дом, стал моряком. Я кивнул, припомнив его татуировки. Последний раз он нанялся на торговое судно «Мальборо», которое, если помните, исчезло в январе этого года. Скиннер признался, что в Литлтоне, в Новой Зеландии, перед самым отплытием покинул злополучный корабль, когда тот отправлялся в Лондон. Решение, о котором он ничуть не жалеет. Спустя пару недель, когда было объявлено об исчезновении судна, Данфорт с ужасом обнаружил свое имя в списке «пропавших в море». Всеми правдами и неправдами он пытался вернуться в Лондон, а о том, что остался жив, опасаясь преследования за самовольную отлучку, сообщил только брату, отбывавшему наказание в Уормвуд-Скрабсе.

По-видимому, банда Алфея, испытывая потребность в его особом «таланте», ухватилась за эту возможность и разработала план по вызволению взломщика из тюрьмы и замене его «покойным» братом-близнецом Данфортом.

«Что вы помните о той ночи, когда вас похитили?» – спросил его я.

«Прибыв в Лондон, я прозябал в комнатухе над опиумным притоном в лондонских доках, надеясь, что ром или порок вскоре положат конец моим страданиям. В ночь на Хеллоуин я изрядно выпил и шатался по темным улицам. Помню, набережная опустела, и я был совершенно один. Внезапно улица стала даже чернее, чем была, тени сгустились и мрак сде-

лался вполне осязаемым. Мне показалось, что кто-то следит за мной. Поскольку все происходило на Хеллоуин, неизвестный доселе ужас пронзил мой налитый ромом ум, и я бросился к своему жилищу. Вдруг я почувствовал резкий удар по голове, в глазах потемнело, и я не помню уже ничего до того, как проснулся в камере на тюремной койке. Я решил, что меня арестовали за побег с корабля, пока не осознал, что охранники называют меня Алфеем. Вот тогда-то я и понял, что сделал этот мерзавец, с которым мы похожи как две капли воды».

– Вот, Уотсон, собственно, и все, что поведал мне мистер Данфорт Скиннер. – Холмс подытожил сказанное взмахом руки.

– Уму непостижимо! – воскликнул я. – Если вам удастся найти доказательства и выследить Алфея, вы спасете человеку жизнь.

– Я послал Лестрейду описание преступного брата, и охота уже началась. – Холмс улыбнулся, разделался с птицей и сменил тему разговора: – Как прошел день, Уотсон? Я полагаю, ваше мастерство облегчило хворь мальчугана?

Мой рассказ Холмс нашел необычным и занимательным.

– Ох уж эти проделки юнцов! – сказал сыщик. – Они бывают забавны, пока сорвиголовы не вырастают из детских шалостей, как из штанишек. Такие вот шалопаи, повзрослевшие и преступившие закон, обеспечивают меня хлебом с маслом.

– Если Холлис поступит с мистером Пинкертоном по чести, паренек должен уже быть на полпути к избавлению от дурных привычек.

– Сдается мне, мы вот-вот убедимся, так ли это, – заметил Холмс, указывая на открывающуюся дверь.

Я проследил за направлением его взгляда и увидел Холлиса, Агнес и молодого Пинкертона, как раз входящих в трактир. Каждое движение мальчишки свидетельствовало о том, что Холлис отлично справился со своей задачей. Одежда паренька была в грязи, он весь поник, бинты на руках намекали на скрывающиеся под ними волдыри. С раскаянием на лице провинившийся стоял перед великаном и смотрел себе под ноги. Холлис легким шлепком отправил Агнес наверх.

– А мне уже можно идти, сэр? – робко спросил мальчишка.

– Валяй. Марш отсюда, парень! Надеюсь, ты выучил свой урок и в ближайшее время у меня не покажешься.

– Не покажусь, сэр.

– И запомни, – произнес Холлис спокойным тоном, передавая мальчику его коробку для ланча, – о человеке судят не только по его собственным поступкам, но и по делам его окружения.

– Да, сэр, – ответил мальчик.

Волоча ноги, он пересек комнату и поднялся по лестнице.

Как только мальчуган пропал из виду, Холлис громко и от души рассмеялся, повесил свой топор и направился к стойке. Разбойничья улыбка так и сверкала из-под его огромной бороды, когда он неторопливо проходил мимо нас.

Вскоре спустился мистер Пинкертоном, давась от смеха. Увидев Холлиса, он налил четыре пинты эля и жестом подозвал нас с Холмсом.

– Сегодня за счет заведения, господа. Благодарю за помощь с сыном, – сказал он Холлису и мне.

– Не стоит благодарности, – ответил я.

– И я рад, что смог немного подсобить, – добавил Холлис.

– Если на то пошло, не так уж и немного, Билл, – возразил Пинкертон. – Уверен, парень так вымотался, что хоть сейчас готов примкнуть к «Сынам трезвости»¹⁶ и начать пропаганду завтра с утра.

Мы все рассмеялись. Холлис поднял свою кружку и предложил тост:

– За уроки юности!

– За уроки юности! – хором отозвались мы и громко сдвинули кружки.

Мы выпивали, курили и вспоминали истории из своей молодости, навеянные этим случаем, пока огонь гудел в очаге.

– Любопытно, – размышлял я, – было ли наказание справедливым? Ведь украли всего несколько пинт эля.

Холлис мотнул своей большой головой:

– Ну не скажите, доктор. Там было гораздо больше пары пинт. И, я уверен, это уже не первый раз.

– Что заставляет вас так думать, мистер Холлис? – поинтересовался я.

– Когда мы шли сюда, мальчишка сообщил по секрету, что в ночь на Хеллоуин они с приятелями нагулялись до летающих слоников.

Все засмеялись, и только Холмс дернулся, подавшись вперед.

– Не могли бы вы повторить, мистер Холлис?

– Парень сказал, мол, в ту ночь мы так напились, что видели слона, парящего над Скрабсом.

– Вот оно, Уотсон! – крикнул Холмс, хлопнув кулаком по столу и вскочил на ноги. – И как я мог быть таким слепым? Мистер Пинкертон, мне сейчас же нужно поговорить с вашим сыном.

– Но, мистер Холмс, – запротестовал Пинкертон, – он, наверное, уже спит без задних ног.

– Я действительно должен настоять. Это дело невероятной важности. Оно не терпит отлагательств.

Пинкертон покачал головой и направился к лестнице.

– Кстати, если у вас есть карта местности, не могли бы вы ее нам одолжить?

Пинкертон указал за стойку.

– В ящике под столешницей, – сказал он и пошел звать сына.

Холмс беспокойно ходил взад и вперед перед очагом. Я нашел карту и принес ее к столу. Чуть позже мальчик спустился вслед за отцом и встал у подножия лестницы, потирая спрессованные глаза.

– Приношу извинения, мастер Пинкертон, но у меня есть несколько вопросов, на которые можете ответить только вы, – объявил Холмс, жестом подозвав мальчика и предложив ему стакан воды. – Вот, выпей. Это не займет много времени, обещаю. – Холмс развернул карту. – Итак, Колин, можешь ты показать мне, где вы с друзьями были в ночь на Хеллоуин?

Мальчик с минуту изучал карту и затем ткнул пальцем в здания, располагавшиеся севернее таверны.

– Здесь. Мы сидели на обрыве за фермой Олд-Оук.

– А где именно вы видели «летающего слона»?

Паренек указал на место первого убийства.

– Великолепно! – воскликнул Холмс. – А теперь, Колин, мне нужно, чтобы ты как следует подумал над следующим вопросом.

Парнишка кивнул.

---

¹⁶ «Сыны трезвости» – общество за умеренность и взаимную поддержку алкоголиков, основанное в 1840 году в США и распространившееся за пределы Америки.

– Хорошо. Можешь показать, в каком направлении летел «слон»?

Взглянув снова на карту, Колин указал пальцем на то же место, а затем повел им в северо-восточном направлении.

– Превосходно! – хлопнул Холмс парня по спине. – В точности как я подозревал! И еще один последний вопрос, если не возражаешь. Этот «слон» светился? Он издавал какие-то звуки?

Колин озадаченно посмотрел на Холмса.

– Эта штука светилась наподобие фонаря? – поторопил Холмс.

– Нет, сэр. Она была черной, как ночь, и беззвучной, точно призрак.

Холмс пришел в замешательство, поскольку явно ожидал услышать другой ответ:

– Ни единого луча света? Ни единого звука? Ты уверен в этом, Колин?

– Да, сэр. Мы бы его не увидели, но он закрывал собой звезды, пока летел.

Холмс встал и хлопнул паренька по спине:

– Спасибо, Колин, ты был в высшей степени полезен. А теперь – в кровать. И пусть остаток ночи тебя ничто не беспокоит.

Мальчик взглянул на отца. В ответ тот также похлопал его по спине и кивнул:

– Доброй ночи, сын. Крепких снов.

Колин повернулся и поднялся по лестнице.

Холмс снова склонился над картой. Поизучав ее немного, он провел пальцем по траектории, указанной Колином. Палец Холмса, двигаясь в северо-восточном направлении, остановился на небольшой группе зданий в верхнем левом квадранте карты.

– Мистер Пинкертон, что вы можете сказать мне об этих строениях? – спросил Холмс.

Пинкертон на секунду скосил взгляд на карту.

– Там находится ферма Рэд-хаус, мистер Холмс.

– Кто там живет?

– Никто, – заявил Пинкертон. – Там разрешили сеять, с тех пор как десять лет назад старый Райли помер.

Холмс достал лупу и всмотрелся в этот участок карты.

– Я тут вижу два строения. Полагаю, большее из них – дом?

– Наоборот, мистер Холмс. Амбар там больше, чем дом.

– И насколько больше?

Пинкертон подумал над вопросом и наконец ответил:

– Как минимум вдвое по длине и высоте.

– И зачем же на ферме такой большой амбар? – удивился Холмс.

– В этих краях принято держать много овец. Приличной ферме нужно место для хранения корма и шерсти перед продажей. А пастухи время от времени проводят там торги.

– Так сейчас здание пустует?

– Некоторое время назад местная команда регбистов использовала ферму для тренировок, но они вскоре перебрались южнее, в Стрелковый павильон, а затем куда-то еще, подальше. Место, насколько я знаю, совершенно заброшено.

Холмс встал, сложил карту и сунул ее себе в карман.

– Значит, Уотсон, пришло время посетить ферму. Мистер Пинкертон, нам понадобится лошадь с повозкой.

– Возьмите, но я не стану снова будить мальчишку, чтобы запрячь лошадь.

– Об этом не может быть и речи, – заверил его Холмс. – Мы в состоянии справиться сами. Да, Уотсон?

– Конечно. Ребенку обязательно надо выспаться, – согласился я.

Глава десятая

Мы споро запрягли лошадь в повозку и через пятнадцать минут тряслись в ней, направляясь на север по Вуд-лейн к ферме Рэд-хаус. Луны не было видно, и непроглядность ночи вынудила нас зажечь фонари, чтобы хоть как-то ориентироваться. Дорога была накатанной.

Когда мы добрались до Стрелкового павильона, Холмс направил повозку за ферму таким маршрутом, чтобы амбар все время находился между нами и домом. Оттуда мы пошли пешком, из осторожности прихватив с собой один фонарь.

Поравнявшись с низкой каменной стеной, окружавшей ферму, Холмс прикрыл фонарь заслонкой и подал мне знак следовать за ним, ступая как можно тише. Сначала мы перебрались через стену и приблизились к дому, дабы убедиться, что он действительно заброшен.

Дом был выкрашен в темно-малиновый цвет, как будто под стать названию фермы¹⁷, хотя местами краска выгорела и облупилась, ее довольно давно не обновляли.

Мы заглянули внутрь через большое эркерное окно фасада. Не увидев ни одного огня, Холмс отважился чуть-чуть приоткрыть заслонку на фонаре и осветил им в комнату. Пинкертон был прав. Мы продолжили осматривать комнату и обнаружили, что она абсолютно лишена мебели и каких-либо признаков того, что здесь живут.

Холмс закрыл фонарь и знаком велел мне двигаться к амбару. Как и говорил Пинкертон, это строение оказалось минимум вдвое выше и длиннее дома. Оно было выкрашено той же темно-малиновой краской, а вдоль его длинных стен под самой крышей тянулся ряд маленьких окошек. С торцов амбар имел огромные раздвижные ворота со створками высотой футов двадцать, от земли и почти до самой крыши.

На этот раз Холмс обогнул амбар, прежде чем приблизиться к нему. Я следовал за ним. В итоге мы оказались с северной стороны строения. Неожиданно Холмс потерял равновесие и чуть не упал. Я посмотрел вперед и заметил, что он споткнулся обо что-то принятое мной поначалу за невысокий забор. Приглядевшись, я увидел несколько труб, тянувшихся из стены амбара в северном направлении. Мы перебрались через них и продолжили путь к задней части амбара.

Примерно в пятидесяти ярдах от его восточной стены мы заметили небольшую рощицу и решили спрятаться в ее сени. Используя удобную точку для наблюдения, я осмотрел здание и не обнаружил никаких признаков его обитаемости.

Холмс наклонился ко мне и прошептал:

– Когда мы обходили здание спереди, я заметил несколько следов на снегу у входной двери. Во всяком случае, амбар не выглядит таким же пустым, как дом, Уотсон.

– Думаете те, кто оставил следы, все еще внутри?

– Чтобы узнать наверняка, остается только ждать здесь и наблюдать. Прислушайтесь повнимательнее, Уотсон, вдруг удастся уловить какие-нибудь звуки или голоса.

Через десять минут, так и не дождавшись ничего, кроме редкого блеянья овец, мы с Холмсом направились к темному зданию. Дойдя до амбара, мы притаились, вжавшись в стену, и какое-то время прислушивались в надежде уловить хоть что-то указывающее на присутствие людей. Однако ничто не нарушало привычных ночных звуков, и мы осмелились зайти через южные ворота. У входа я достал револьвер.

Оказавшись внутри, Холмс зажег лампу. Конечно, просторное помещение было нежилым, но и не пустовало. Как только глаза привыкли к темноте, мне удалось разглядеть в углу пять коек, стол с колодой карт и импровизированную кухню. Любопытно, что на полках вдоль западной стены стояло не меньше пятидесяти молочных канистр, а у противополож-

---

¹⁷ Название «Ред-хаус» (Red House) переводится как «красный дом».

ной – множество лотков, почти до потолка заваленных чем-то вроде связанных вместе кожаных лоскутов размером с каминный коврик. При более внимательном осмотре я благодаря знанию анатомии распознал в них овечьи желудки, плоские и растянутые.

Вне всяких сомнений, самая чудовищная находка поджидала меня в углу рядом с картонным столом. Я вздрогнул, когда обнаружил на одной из полок пару объемистых банок с человеческими головами, помещенными в какую-то прозрачную жидкость. Очевидно, они были выставлены преступниками на обозрение в качестве мрачных трофеев.

– Похоже, мы нашли Дженкинса и Болдуина, – предположил я.

Поставив банки обратно, я продолжил осматривать амбар. В другом его конце, почти полностью загородив собой огромные двери, высилось нечто, поначалу принятое мной за груды мусора. Своим видом оно напоминало аппарат, который, как я читал, использовали жители Аппалачских гор для производства кукурузного самогона. Конструкция состояла из нагромождения медных труб, пузырей, большого ящика для угля и двух металлических резервуаров. Глядя на все это, я вспомнил о химическом оборудовании в лабораториях Холмса и профессора Рэмзи.

– Видите это, Уотсон? – Холмс был впечатлен. – Хоть мои познания в разведении овец и оставляют желать лучшего, размах тут куда больше, чем я предполагал.

– Что это, по-вашему, такое?

Холмс некоторое время изучал хитроумное изобретение. Его взгляд в конечном счете остановился на полках с канистрами.

– Если я не ошибаюсь, ответ кроется в этих емкостях, которые, скорее всего, использовали для хранения и перевозки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.